

«ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС» И КОМПАРАТИВИСТИКА XXI В. (К 60-ЛЕТИЮ ПРОЕКТА 1958–2018)*а.

Татьяна И. Вендина

Институт славяноведения РАН
Ленинский проспект, д. 32-А, Москва,
Россия
vendit@rambler.ru

UDK:811.16.286(084.42)“19/20“
Izvorni znanstveni članak
Primljen: 18. 10. 2018.
Prihvaćen za tisak: 10. 12. 2019.

Статья посвящена истории создания «Общеславянского лингвистического атласа». Оценивая предварительные итоги этого международного проекта, автор говорит о том, какие коррективы вносят карты Атласа в сравнительно-историческое языкознание и лингвистическую географию.

Ключевые слова:
*сравнительно-историческое
языкознание, общеславянский
лингвистический атлас, диа-
лектология, лингвистическая
география*

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта № 17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект», финансируемого РФФИ.

а. Ovaj prinos temelji se na autoričinu izlaganju na 16. međunarodnom slavističkom kongresu u Beogradu održanu u kolovozu 2018. Na kongresu referat je izvrsno prihvaćen, a ubrzo je objavljen u Moskvi u časopisu *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова* («Из истории «Общеславянского лингвистического атласа» (к 60-летию проекта 1958—2018)», Выпуск 15: *Общеславянский лингвистический атлас*, 2018, str. 9–42). Na molbu glavnog urednika časopisa *Croatica et Slavica Iadertina* rad je autorica dopunila i poslala ga našem periodiku, sada s izmijenjenim naslovom. Objavljujemo ga zbog njegove velike važnosti i osobite kvalitete.

Современную ситуацию в лингвистике отличает многообразие научных направлений, концепций, теорий в стремлении познать язык не только «в самом себе и для себя», но и как средство понимания человека и того мира, в котором он существует.

В этом многообразии научных направлений компаративистика занимает особое место. Вся история развития этого направления в языкознании свидетельствует о том, что сравнительно-историческое языкознание, и в частности славистика, переживает сегодня новый этап в своем развитии. Об этом ярче всего свидетельствуют такие крупные славистические проекты, как «Этимологический словарь славянских языков» (под ред. О. Н. Трубачева), «Словарь праславянского языка» («*Słownik prasłowiański*» под ред. Ф. Славского) и «Общеславянский лингвистический атлас». Эти проекты относятся к числу «долгосрочных», однако, несмотря на свою незавершенность, они позволили читателю прикоснуться к «живому» праславянскому слову и в необозримой его реализации почувствовать дыхание времени.

«Общеславянский лингвистический атлас» является во многом детищем компаративистики XIX-XX вв. Вдохновленная идеей родства языков, компаративистика XIX в. была сосредоточена на разработке методов определения этого родства. Именно компаративистике XIX в. мы обязаны открытием принципов сравнительно-исторического языкознания. Скрупулезное изучение фонетики корня и флексии позволило сделать более достоверной лингвистическую реконструкцию праязыка. Благодаря лингвистическим реконструкциям компаративистов XIX в. сформировалось четкое представление о звуковом составе и морфологической структуре праславянского языка. Сравнительно-историческое языкознание поднялось на новую ступень развития.

Компаративистика XX в., критически освоившая опыт диахронической лингвистики предшествующего поколения, оказалась перед фактом ограниченности знаний, касающихся пространственной проекции многих праславянских явлений. Уже в начале XX в. стало очевидно, что эмпирические наблюдения над их историей имеют атомарный характер. Необходимы были обширные исследования всех славянских языков с целью систематизации и интерпретации этих явлений в пространственно-временном аспекте. Именно поэтому на I Международном съезде славистов в 1929 г. в Праге крупнейший компаративист XX в. А. Мейе выступил с докладом «*Projet d'un Atlas Linguistique Slave*», в котором поставил вопрос о необходимости создания «Общеславянского лингвистического атласа» для изучения генетических проблем славянских языков методами лингвистической географии.

Так родилась идея создания «Общеславянского лингвистического атласа». Однако в тот период «еще недостаточно ясно осознавалось различие между лингвогеографическим изучением каждого славянского языка, с одной стороны, и «Общеславянским лингвистическим атласом» – с другой.

Эту идею поддержал И. А. Бодуэн де Куртенэ, который в докладе «Изогlossen в славянском языковом мире» представил перечень изоглосс, свидетельствующих о дифференциации славянских языков.

Примечательно, что в этом докладе он говорил лишь о фонетических изоглоссах, тогда как лексические оставил без внимания. Объясняется это, по-видимому, тем, что в то время славистика не располагала данными о древних лексических изоглоссах (не случайно во многих сравнительных грамматиках славянских языков в качестве иллюстрации праславянских диалектизмов традиционно приводились одни и те же лексемы, такие, например, как *бук*, *береза*, *лиса*, *ворон*, *гусь*, *лосось* и др.).

Однако общая политическая обстановка 30-х годов в Европе не благоприятствовала проведению столь обширного международного начинания, поэтому оно не получило своего развития. И только лишь спустя тринадцать лет после окончания Второй мировой войны эта идея вновь стала предметом обсуждения. В 1958 г. на IV Международном съезде славистов, проходившем в Москве, с докладами о создании общеславянского лингвистического атласа выступили З. Штибер «*O projekcie Ogólnosłowiańskiego atlasu dialektologicznego*», Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн «Лингвистическая география и структура языка». На этом съезде было принято решение развернуть работу над «Общеславянским лингвистическим атласом». Признав создание Атласа одной из важнейших задач славянского языкознания, съезд рассмотрел организационные формы осуществления этого проекта.

Началась разработка «Вопросника» Атласа, его «Программы», а позже и экспедиционная работа по сбору материала во всех славянских диалектах.

В истории этого проекта важной вехой явился VIII съезд славистов, на котором один из основателей Атласа, Р. И. Аванесов, говорил о том, что будет или должно быть в ОЛА. Сегодня **можно говорить о том, что уже есть**, что уже видно, что реально дают карты Атласа для изучения диалектов славянских языков в их истории и современном состоянии, какую новую лингвистическую информацию содержат карты ОЛА, в чем проявляется специфика состояния современного диалектного континуума Славии, характера его дифференциации, какие коррективы вносит Атлас в существующие представления о складывании дифференциации отдельных зон Славии, включая динамику этой дифференци-

ации.

Программа Атласа предусматривает решение двух качественно разных задач – сравнительно-исторического и синхронно-типологического изучения славянских диалектов.

Первая – традиционная область славянского языкознания – «охватывает такие вопросы, как образование славянского языкового единства и последующее его диалектное членение, а в дальнейшем образование современных славянских языков. Вместе с данными историческими в широком смысле, включая этнографические и археологические, ОЛА дает материал для решения вопроса о первоначальной территории, занимаемой славянами, и их последующего распространения в разных направлениях в разные географические зоны и в разные исторические эпохи, о контактах славянских языков с языками неславянских народов на весьма обширной территории с очень разными по уровню своего развития культурами: с германцами, балтийцами, кельтами, фракийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, греками, романцами... Помимо проблемы реконструкции праславянского языка в его общих и диалектных чертах ОЛА дает материал и для освещения вопросов общеславянских, т. е. более поздних процессов, охватывающих в той или иной мере все славянские языки и диалекты, процессов, основанных на общности предшествующей эпохи, но протекавших в разных частях Славии в значительной мере самостоятельно и приведших к разным результатам... Наконец, ОЛА дает материал для изучения истории формирования современных славянских диалектов, внутриславянских контактов – процессов более позднего времени. Карты ОЛА помогают в той или иной степени выяснить сложные языковые отношения: русско-белорусские, белорусско-украинские, русско-украинские, белорусско-польские и украинско-польские и т. д. Картографирование карпатского региона на стыке словацких, чешских, польских, западноукраинских диалектов с венгерскими и румынскими позволяет углубить изучение старых языковых отношений в этом районе. На картах Атласа детальное освещение получают и польско-чешские языковые отношения („ляшские“ говоры на территории Чехии) и отношения славянских языков Балканского полуострова с неславянскими языками соседних народов» (ОЛА Вступительный выпуск 2 изд. 1994: 28–30).

Другая задача Атласа, также не менее важная и к тому же в значительной степени новая, – задача синхронно-типологическая, актуальная для всех уровней языка от фонетического до грамматического, включая синтаксический. Решение этой задачи предполагает создание карт принципиально нового типа, которые должны репрезентировать отдельные фрагменты языковых систем сла-

вянских языков.

Работа над «Общеславянским лингвистическим атласом» продолжается уже 60 лет. Несмотря на то, что процесс создания Атласа растянулся во времени и при этом знал разные коллизии, его коллективу удалось опубликовать 16 томов: восемь томов фонетико-грамматической серии – «Рефлексы *ě» (*Београд* 1988); «Рефлексы *ę» (Москва 1990); «Рефлексы *q» (*Warszawa* 1990); «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (*Warszawa* 1994); «Рефлексы *ь, *ь» (Загреб 2006); «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (*Скопје* 2003); «Рефлексы *o» (Москва 2008); «Рефлексы *e» (Москва 2011); и восемь томов лексико-словообразовательной серии – «Животный мир» (Москва 1988); «Животноводство» (*Warszawa* 2000); «Растительный мир» (*Мінск* 2000); «Профессии и общественная жизнь» (*Warszawa* 2003); «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» (Москва 2007); «Человек» (*Kraków* 2009); «Сельское хозяйство» (*Bratislava* 2012); «Народные обычаи» (Москва 2015), и это при том, что в 80-х годах публикацию Атласа пришлось «заморозить», так как в процессе работы возникли сложности экстралингвистического характера, преодолеть которые удалось практически только спустя двадцать пять лет, когда болгарская национальная комиссия возобновила свое участие в этом проекте. Кроме того, были опубликованы два издания «Вступительного выпуска» Атласа, содержащего его концепцию, информацию о населенных пунктах и эксплораторах, фонетическую и обобщающую транскрипцию; а также два тома болгарских материалов лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии, которые отсутствовали в опубликованных ранее томах Атласа.

В настоящее время во всех странах-участницах этого международного проекта ведется работа по подготовке к печати очередных томов Атласа – лексико-словообразовательной серии: «Личные черты человека», «Степени родства», «Транспорт и пути сообщения», «Народная техника», «Строительство», «Одежда и обувь», «Гигиена и медицина», «Метеорология и измерение времени», «Рельеф местности», «Горное овцеводство» и др.; и фонетико-грамматической серии: «Рефлексы *a», «Рефлексы *i, *y, *u», «Рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt»; «Местоимения», «Существительные», «Прилагательные», «Глаголы» и др.

Оценивая предварительные итоги проделанной работы, следует отметить то, что Атлас предоставил исследователям богатейший диалектный материал, который ранее был во многом не известен, а потому долгое время оставался в тени при изучении диалектной дифференциации Славии. И этот **новый и свежий языковой материал является главным итогом международного проекта.**

Работа над ОЛА со всей очевидностью показала, что **реконструкция систе-**

мы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможны без изучения современного славянского диалектного континуума методами **лингвогеографии**. В этом смысле Атлас содержит бесценную информацию об ареалах многочисленных явлений как фонетико-грамматических, так и лексико-словообразовательных, локализация которые ранее была неизвестна в славистике.

Карты Атласа убедительно говорят о том, что в число дифференциальных признаков должны входить не только фонетические (о которых говорил И. А. Будун де Куртенэ), но и лексико-словообразовательные, грамматические и даже культурологические.

Публикация томов **лексико-словообразовательной** серии Атласа дает основания для нового взгляда на ряд нерешенных вопросов славистики, в частности, на **проблему лексического фонда праславянского языка**. Известно, что праславянская «словарная коллекция» довольно долгое время создавалась в отрыве от ее лингвогеографической проекции. Вследствие отсутствия достоверных материалов и надежных сведений по древним лексическим изоглоссам лексический состав праславянского языка, как правило, воспринимался недифференцированно. Более того, во многих сравнительно-исторических и диалектологических исследованиях XIX — нач. XX вв. сама идея пространства была сильно размыта. Характеристика ареалов тех или иных лексем была во многом случайна и часто опиралась лишь на интуицию ученого.

Это отсутствие внимания к лингвогеографическому изучению праславянской лексики было связано во многом с тем, что в сравнительно-историческом языкознании еще со времен младограмматиков довольно прочно укоренилось скептическое отношение к фактам лексики и словообразования как к фактам, которые, в силу своей мозаичности и повышенной языковой проницаемости, не позволяют провести ареальную классификацию того или иного диалектного континуума. Каждое слово, согласно этой точке зрения, живет в диалекте «своей жизнью» и «распространяется в своих собственных границах», порождая пестроту и дробность диалектного ландшафта. Возник даже образ «путешествующего слова» (Л. Гоша), которое, подобно страннику, останавливается там, где ему захочется. Отсюда делался вывод, что распространение слова в значительной степени зависит от случайности. Поэтому лексические диалектизмы традиционно считались нерелевантными для решения проблемы диалектной дифференциации праславянского языка.

Понятно, что для того, чтобы проверить или опровергнуть эту точку зрения, необходим большой полевой материал, который, к сожалению, долгое время

отсутствовал. С выходом в свет «Общеславянского лингвистического атласа» ситуация в корне изменилась, так как впервые идея пространства и времени была последовательно реализована как на этапе сбора диалектного материала, так и на этапе его систематизации. Материалы «Общеславянского лингвистического атласа» позволили пересмотреть эту точку зрения. Они показали, что лексические изоглоссы не являются чем-то случайным, индивидуальным, характерным лишь для одного слова, напротив, они повторяются, и в этой повторяемости прослеживается определенная последовательность, позволяющая говорить о **типологии ареалов** (к примеру, **русско-польские** изоглоссы на территории Польши часто локализуются в говорах переселенцев с восточнославянских территорий, образуя островные ареалы, ср., например, локально ограниченные ареалы лексем в польских диалектах: *luc'-b*¹ к. 49 „рыло свиньи“ т. 2 «Животноводство»; *p'ɛls-t-ɔ* к. 46 „волосы, которыми покрыта шкура коровы“ т. 2 «Животноводство»; *p'et-ux-ɔ*, *p'ev-ɔn-ɔ* к. 11 „петух“ т. 2 «Животноводство»; *ne-za-bod-ɔk-a* к. 53 „незабудка“ т. 3 «Растительный мир»; *krin-ic-a*, *krɛn-ic-a* к. 1 „вырытая в земле яма для добывания воды, колодец“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *mel-ɔn-ik-ɔ* к. 19 „человек, который мелет зерно на мельнице“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и др.; **украинско-польские** изоглоссы образуют островные ареалы в говорах Правобережной Украины, ср., например, ареалы следующих лексем в украинских диалектах: *s'ɔ-greb-ɔl-o* к. 52 „скребница“ т. 2 «Животноводство»; *tɔrn-in-a* к. 50 „терн“ т. 3 «Растительный мир»; *sos-ɔn-in-a* к. 18 „сосновый лес“ т. 3 «Растительный мир»; *kraj-e-tɔ* к. 17 „режет“ (хлеб) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *krok-ɔ* „шаг“ к. 49 т. 9 «Человек» и др.; **западно-южнославянские** изоглоссы имеют высокую концентрацию в чешских, западно- и среднесловацких говорах, где чаще всего локализуются обширные ареалы корреспондирующих лексем, ср., например, ареалы следующих лексем: *b'ɛs-ɔn-ɔ* к. 73 „бешеный“ (о собаке) т. 2 «Животноводство»; *tɔrn-ɔ* к. 13 „колючка, шип“ т. 3 «Растительный мир»; *kys-ɛl-ɔ* // *kys-el-ɔ* к. 44 „кислый“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *l'ɔz-ic-a* к. 52 „ложка“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *kol-ar-ɔ* к. 9 „человек, который делает колеса для телег“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь и др.).

Карты Атласа убедительно говорят о том, что то, что, на первый взгляд, ка-

¹ Примеры приводятся в морфонологической транскрипции, принятой в ОЛА. Морфонологическая транскрипция позволяет обобщить фонетические записи, сделанные в полевых условиях в том или ином диалекте, с целью их прямого сопоставления с другими славянскими диалектами.

жется произвольным или случайным в распространении того или иного слова при его изолированном рассмотрении, на самом деле вписывается в типологию ареалов и обретает свой глубокий смысл. За всем этим стоят факты истории языковых явлений, локализация которых на пространственно-временной оси позволяет говорить об определенных закономерностях в их распределении. Именно поэтому картографирование языкового материала на огромном пространстве *terra Slavia* придало картам Атласа особую ценность, так как чем больше территория, тем надежнее информация о специфике диалектного ландшафта и вероятнее получение новых сведений. Поэтому Атлас стал уникальным источником изучения славянского диалектного континуума и тех языковых процессов, которые протекали в древности и протекают в славянских диалектах сегодня.

Более того, Атлас позволил наглядно увидеть то, что трудно уловимо при монографическом описании славянских диалектов или при составлении словарей. Он дал возможность выявить пространственную локализацию межъязыковых схождений и, что самое главное, оценить их с ареальной точки зрения, так как эти схождения могут иметь разный характер – очаговый или системный, т. е. они могут охватывать значительные ареалы, отражая сложные отношения между двумя и/или более диалектами.

В этом смысле Атлас обогатил славистику не только новым, четко стратифицированным материалом, позволяющим с высокой степенью достоверности создать фонд праславянских лексических единиц, но и предоставил исследователям еще одну уникальную возможность, ранее совершенно нереальную, – рассмотреть те или иные диалекты в общеславянском контексте, в связи с чем он стал бесценным источником для изучения истории формирования современных славянских языков (см., например, монографию Т. И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте». М., 2009).

Следует, однако, отметить, что ареальные характеристики лексики, представленной в Атласе, являются часто довольно сложными, демонстрирующими наложение и пересечение векторов изоглосс, имеющих различные направления. Поэтому топография славянских изоглосс, их реальная пространственная «наполненность» оказываются не одинаковыми, что свидетельствует об их разном историческом прошлом и, соответственно, разной хронологии. В этом смысле научная ценность Атласа заключается в том, что общеславянская перспектива дает возможность понять, какие из этих изоглосс продолжают отношения исходной системы, а какие свидетельствуют о неодинаковой реализации системы связей и отношений, унаследованных из праславянской эпохи. Это положение является чрезвычайно важным, так как карты Атласа показали, что эксплици-

рованный на них материал в хронологическом плане оказывается разнородным, ибо изоглоссы межславянских лексических соответствий проецируются в разновременные плоскости:

- одни из них детерминированы факторами генетического порядка (они имеют глубокие корни и восходят часто к периоду праславянской языковой общности);
- другие определяются факторами ареально-типологическими, связанными с независимым и параллельным развитием сходного явления;
- третьи – факторами пространственно-генетическими (они во многом порождены явлением интерференции славянских диалектов и восходят к эпохе самостоятельного развития славянских языков);
- четвертые – факторами культурно-историческими, связанными со становлением национального самосознания и оформления государственности (это ареалы так называемой эксклюзивной лексики).

Поэтому «современные славянские языки в сильно преобразованном виде продолжают диалектные отношения, унаследованные из праславянской эпохи» (Куркина 1985: 64).

Материалы опубликованных томов «Общеславянского лингвистического атласа» свидетельствуют о длительных процессах дивергентного и конвергентного развития славянских языков, начиная с праславянской эпохи и кончая новейшей историей. Отсюда отражение на карте, с одной стороны, диалектной дифференциации, восходящей к праславянскому периоду, а с другой – «вторичных» сближений отдельных диалектов в историческую эпоху диалектного развития славянских языков.

Вместе с тем материалы Атласа говорят о **преобладании конвергентных процессов** в развитии славянского диалектного континуума. Так, в частности, большинство ареалов **северной Славии** имеет своим источником контактную конвергенцию и является иллюстрацией **контактно-генетического родства** восточно- и западнославянских диалектов. Об этом свидетельствует наличие ярко выраженных контактных зон в украинских, белорусских, польских, отчасти в восточнословацких говорах. Причем **в роли языка-донора выступали чаще всего западнославянские диалекты, преимущественно польские** (ср., например, распространение таких лексем, как *stbkl-ěn-ъk-a* к. 6 „стакан“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *podъ-večer-ъk-ъ* к. 61 „еда между обедом и ужином, полдник“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»;

gqs-in-a к. 25 „мясо гуся“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *doj-ьk-a* к. 34 „женщина, которая доит коров“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; // *olov-ьk-ъ* к. 36 „карандаш“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *krav-ьc-ъ* к. 16 „человек, который шьет одежду“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *měst-ьc-e* к. 46 „место“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; // *qtr-ob-a* к. 54 „печень человека“ т. 9 «Человек» и др.), **реже украинские** (ср., например, обширные ареалы украинских лексем *сѣl-uš-ьk-a* к. 18 „первый кусок хлеба, отрезанный от буханки, горбушка“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» и *krin-ic-a*, *krьn-ic-a* к. 1 „вырытая в земле яма для добывания воды, колодец“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи») и **белорусские** (ср. лексемы *mold-iv-o*, *mold-iv-a* к. 32 „молоко коровы сразу после отела, молозиво“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *korьm-y-sl-a* к. 2 „деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»).

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» показали, что топография ареальных сценариев картографируемых языковых явлений не является случайной или произвольной. Если использовать методику индуктивно-дедуктивно анализа, то, изучая различные топографические сценарии, можно увидеть, что **ареалы многих картографируемых явлений повторяются**. Убедительным доказательством повторяемости лексических ареалов является ситуация в восточнославянских языках, так как **восточнославянский диалектный континуум характеризуется высокой степенью гомогенности** (особенно, когда речь идет об ареалах древних лексем, ср., например, ареалы таких лексем, как *krop-iv-a* к. 22 „крапива“ т. 4 «Сельское хозяйство»; *ob-ěd-a-j-e-tь* к. 60 „ест обед“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *sv-kaž-e-tь* к. 64a „скажет“ (слово) т. 9 «Человек»; *rьt-ъ* к. 16 „рот“ т. 9 «Человек»; *vis-ьk-ъ*, *vis-ьk-y* к. 4 „висок“ т. 9 «Человек» и др.), тогда как для южно- и западнославянского диалектных континуумов свойственна, как правило, гетерогенность.

Такая ареальная картина заставляет по-новому взглянуть на проблему существования праюжнославянского и празападнославянского языков. Даже если предположить, что в ходе истории славянских языков их бывшее единство было разрушено временем, практическое отсутствие общезападнославянских и общеевропейских изоглосс является серьезным аргументом против существования в прошлом их историко-культурного, территориального и языкового единства, которое бы говорило о существовании в древности подлинной языковой общности.

Иллюстрацией повторяемости лексических ареалов является и тот факт, что

на картах Атласа довольно четко прослеживается разделение Славии по линии **север ~ юг**, ср.: север //ašč-er- (//ašč-er-ъ, //ašč-er-ic-a, //ašč-er-ъk-a) ~ юг *gušč-er-* (*gušč-er-ъ, gušč-er-ic-a, gušč-er-ъk-a*) к. 30 „ящерица“ т. 1 «Животный мир»; север *baran-ъ* ~ юг *ov-ъn-ъ* к. 4 „некастрированный самец овцы“ т. 2 «Животноводство»; север *těn-ъ* ~ юг *xold-ъ* „тень под деревом“ к. 6 т. 3 «Растительный мир»; север *lěs-ъ* ~ юг *šum-a* к. 11 „лес“ т. 3 «Растительный мир»; север *sos-ъn-j-a* ~ юг *bor-ъ* к. 17 „сосна“ т. 3 «Растительный мир»; север *sъ-čęst-bj-e* ~ юг *sъ-ręt-j-a, sъ-ręt-j-a* к. 7 т. 10 «Народные обычаи»; север *kur-i-tъ* ~ юг *puš-i-tъ* к. 19 „курит“ т. 10 «Народные обычаи» и т. д.), тогда как противопоставление по линии **запад ~ восток** практически не прослеживается. И это обстоятельство **заставляют по-новому взглянуть на проблему эволюции праславянской языковой общности**, в частности, на первоначальное разделение ее на западную и восточную группы (см. Бернштейн 1962: 68).

В связи с этим закономерно встает вопрос о локализации праславянского языка, тем более что одной из важнейших задач Атласа является задача определения прародины славян. Следует, однако, признать, что Атлас пока не может дать ответ на этот вопрос. Решение его затруднено рядом обстоятельств.

Прежде всего – незавершенностью работы. В настоящее время в национальных комиссиях «Общеславянского лингвистического атласа» ведется работа над подготовкой к печати таких важных в лексическом отношении томов Атласа, как «Степени родства», «Транспорт и пути сообщения», «Народная техника», «Строительство», «Одежда и обувь», «Гигиена и медицина», «Личные черты человека», «Метеорология и измерение времени», «Рельеф местности», «Горное овцеводство» и др. Все это делает какие-либо предположения и выводы по данной проблеме преждевременными и не вполне корректными.

Затрудняет решение этой проблемы и отсутствие четкой методологии пространственно-временной интерпретации лексических изоглосс. Между тем наличие такой методологии позволит соотнести материал, представленный на картах, с различными гипотезами славянской прародины (висло-одерской, дунайской, среднеднепровской, прикарпатской, припятской и др.) и перевести дискуссию о славянской прародине из плана абстракции в план конкретного сравнительного анализа лексем, имеющих праславянское происхождение. Фактов для этого накопилось уже достаточно.

Определенные трудности создает и фрагментарность Вопросника «Общеславянского лингвистического атласа», практическое отсутствие в нем семантических вопросов, между тем как именно значение слова является важным диагностирующим признаком при определении его праславянского статуса (см. в

связи с этим размышления Ф. Славского в предисловии к *SP*)².

Пока же можно сказать, что материалы Атласа не подтверждают гипотезы о том, что распад праславянского языка происходил сначала на юго-восточную и западную группы, а потом первая из них разделилась на южную и восточную группы, что привело к образованию трех славянских языковых групп – южной, восточной и западной. Напротив, они недвусмысленно говорят о том, что этот процесс был намного сложнее. Прерывистые изоглоссы, связывающие разные славянские диалекты на всем пространстве *terra Slavia*, являются отражением более сложных и многомерных диалектных отношений, чем существующее сегодня в славистике представление о разделении праславянского языка сначала по вертикали на запад и восток, а затем по горизонтали с вычленением северного и южного ареалов.

В этой связи представляется важным то, что карты Атласа позволили выявить ареалы с высокой степенью концентрации праславянских лексем, имеющих общеславянский характер распространения: это, прежде всего, чешские (особенно ляхские говоры, в частности, п. 203), словацкие, лужицкие (особенно пп. 234, 236) диалекты, юг польских (особенно говоры Силезии, в частности, пп. 288 и 308), словенские и прилегающие к ним хорватские кайкавские и чакавские говоры; сербские (особенно зетско-сеницкие, косовско-ресавские и призренско-тимокские говоры); македонские и юго-западные болгарские; а также юго-западные украинские. Территория этих говоров покрыта практически полностью лексемами, имеющими общеславянское распространение, но с локальными ограничениями.

И хотя современные диалектные отношения, характеризующие славянские языки, не имеют четкой экспликации на плоскости праславянского, однако думается, что выявление этих соответствий будет иметь важное значение для решения проблемы этногенеза славян. Во всяком случае материалы Атласа убедительно свидетельствуют о том, что реконструкция системы праславянского языка, решение вопроса о локализации прародины славян невозможны без изучения современного славянского диалектного континуума методами лингвоге-

² Не могу в связи с этим не привести слова Л. В. Куркиной, много и плодотворно занимавшейся проблемой хронологической стратификации словенского диалектного материала: «При разграничении явлений разного хронологического уровня роль диагностирующего показателя выполняет семантика. В разных ареалах неодинаково реализуются унаследованные семантические, словообразовательные отношения. С перестройкой лексико-семантических отношений изменяется семантика и лексический состав понятийного поля. Лексемы, изначально входившие в разные синонимические ряды, лишь со временем в силу ряда причин сближаются, становятся

ографии.

Поэтому можно с уверенностью сказать, что если раньше при решении проблемы этногенеза славян привлекались разрозненные факты (а иногда лишь интуиция ученого), то с созданием «Общеславянского лингвистического атласа» она получит твердые основы и достаточно убедительную аргументацию.

Говоря о специфике состояния современного диалектного континуума Славии, следует отметить, что **карты Атласа свидетельствуют о том, что диалектный ландшафт Славии характеризуется сегодня чрезвычайной дробностью, так как большинство лексических ареалов славянского диалектного континуума подвержено разрушению.** Эта тенденция прослеживается во всех славянских диалектах, поэтому в Атласе представлено сравнительно немного праславянских лексем, плотно покрывающих всю территорию Славии. Невольно напрашивается вывод: чем больше территория, тем меньше праславянских лексем, способных ее «освоить» (или «удержать») полностью.

О разрушительных процессах, протекающих в славянских диалектах, говорит факт нестабильности существования многих праславянских лексем, поскольку они находятся часто в отношениях конкуренции с другими лексемами (ср., например, ареалы лексем *dqb-ъ* к. 26 „дуб“ т. 3 «Растительный мир» или *mok-a* к. 11 „мука, из которой пекут хлеб“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которые широко распространены в северной Славии, но имеют ограниченные ареалы – в южной, в частности, в словенских, хорватских и сербских диалектах, где с ними конкурируют лексемы *xvogst-ъ*, *gor-un-ъ*, *cer-ъ* к. 26 „дуб“ и *bořiš-ъn-o*, *mel-j-a*, *mel-iv-o*, *myl-iv-o* к. 11 „мука, из которой пекут хлеб“). О былом существовании этих лексем в южнославянских диалектах свидетельствуют возникшие на их базе дериваты, ср. серб., хорв., мак. *dqb-ov-in-a*; серб., мак. *dqb-ov-o deriv-o* к. 28 „древесина дуба“ т. 3 «Растительный мир»; серб., мак. *dqb-ov-a šuma*; серб., *dqb-ov-a gor-a* к. 27 „дубовый лес“ т. 3 «Растительный мир»; или болг., мак. *мучник*; болг. *мъчник* „ларь, в который ссыпается мука на мельнице“).

На картах Атласа отчетливо видно, где происходит чаще всего разрушение ареала.

Карты Атласа говорят о том, что разрушение ареала лексем, имеющих общеславянское распространение, может происходить как в центре современной Славии (ср., например, ареалы лексем *ov-ъc-a* к. 5 *овьса т. 5 «Рефлексы *o» и *žen-a* к. 57 *žena т. 6 «Рефлексы *e» в украинских и белорусских диалектах, которые являются разорванными, поскольку в этих диалектах они активно вытесняются лексемами *žen-ъk-a* и *ov-ъc-ъk-a*), так и на периферии, причем часто

на юго-востоке южнославянского континуума, так как именно в болгарских и македонских диалектах нередко наблюдается либо сужение ареала лексем, имеющих широкое распространение на остальной территории Славии, либо вообще их отсутствие (ср., например, распространение лексем *žed-j-a* к. 9 „желание, потребность пить“; *ob-ěd-ъ* к. 59 „обед, еда в дневное время“; *vъ-kēs-ьп-ъ* к. 65 „вкусный“ (о еде) и др. в т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»). Другой такой периферией *terra Slavia* являются русские диалекты, в которых праславянские лексемы, имеющие общеславянское распространение, локализируются часто или в **латеральном ареале** на границе с украинскими и белорусскими диалектами (ср., например, распространение лексемы *večer-j-a* к. 62 „ужин, вечерняя еда“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», которая имеет обширный ареал в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских и белорусских; в русских диалектах ее ареал является латеральным, так как ее распространение ограничено в основном южнорусскими говорами, причем преимущественно смоленскими, брянскими и примыкающими к ним с юга белгородскими); или в **небольшом островном ареале**, ср. распространение лексемы *//agne* к. 29 *Nsg* (j)agne т. 2 «Животноводство», которая широко распространена в южно- и западнославянских диалектах, а также в украинских, имеет островные ареалы в белорусских юго-западных и западнopoлесских говорах и микроареал – в южнорусских белгородских говорах (пп. 841, 846).

Разрушение ареала лексем, имевших ранее общеславянское распространение, является неизбежным следствием языковой эволюции. **Карты Атласа позволяют проследить, как происходит разрушение ареала** праславянских лексем. В этом смысле показательна **типология этого процесса**, ибо он связан, как правило, с возникновением на базе старой лексемы новой. Однако в этой новой лексеме сохраняется как бы «мерцающий» свет ее производящей (ср., например, ареалы лексем *krъt-ic-a*, *krъt-ič-ic-a*, *krъt-in-a*, *krъt-ъk-ъ* на к. 12 „крот“ т. 1 «Животный мир» или *//ež-ъk-ъ*, *//ež-ak-ъ*, *//ež-ik-ъ* на к. 10 „еж“ т. 1 «Животный мир»; ср. также распространение лексем *ov-ьč-ъk-a*, *žen-ъk-a*, *měst-ьc-e*, *myš-ъk-a*, *dqb-ov-in-a*, *zvěr-ę*, *zvěr-in-a*, *květ-ъk-ъ*, *pъs-ъk-ъ*, *tyrn-in-a* и т. д.). Так формируются новые ареалы слов, которые часто не знают государственных границ.

Разрушительные процессы, протекающие во всех славянских диалектах, привели к образованию нескольких **типов локально ограниченных** ареалов: **разорванного** (ср., например, ареал лексемы *ovъs-ъ* к. 50 „овес“ т. 4 «Сельское хозяйство», которая плотно покрывает территорию восточной и западной Славии, но имеет разорванный ареал в южной, поскольку в сербских и хорватских диалектах ее ареал разорван широко распространенной лексемой *zob-ъ*); **дис-**

кретного (ср. ареал лексемы *myš-ь* к. 14 „мышь“ т. 1 «Животный мир», которая распространена во всех славянских диалектах, однако в польских, украинских и белорусских диалектах ее активно теснит лексема *myš-a*, в болгарских – лексемы *myš-ьk-a* и *myš-ьk-ь*, в македонских – лексема *gluš-ьc-ь*, соответственно ее ареал в этих диалектах является дискретным); **фрагментарного** (или островного, ср. распространение лексемы *sěr-a* к. 32 „молоко коровы сразу после отела, молозиво“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», ареал которой во всех славянских диалектах является фрагментарным); **латерального** (ср., например, латеральный ареал лексемы *oč-i* к. 6 „глаза человека“ т. 9 «Человек» в южнорусских говорах, при том что она имеет широкое распространение во всех славянских диалектах); и **микроареала** (или «мерцающего», ср., например, микроареал лексемы *běd-a* к. 62 „бедность, нужда“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в македонских, белорусских и русских диалектах при том, что она имеет обширный ареал – в западнославянских и ограниченный в хорватских, сербских и украинских). При этом расчлененность лингвистического континуума, как правило, не соответствует характеру административно-политического деления *terra Slavia*.

Лингвогеографическое изучение *terra Slavia* позволило обратиться не только к изучению **типологии ареалов**, но и задуматься над такими лингвоареальными явлениями, как системность ареала (когда на огромном географическом пространстве наблюдается последовательное распространение одного и того же рефлекса или одной и той же лексемы, см., например, карты первого лексико-словообразовательного тома «Животный мир»: к. 1 „зверь“, к. 9 „ласка“, к. 10 „еж“, к. 11 „заяц“ или карты, посвященные рефлексам носовых и редуцированных, в частности, в восточнославянских диалектах, демонстрирующих удивительную монолитность в однотипности рефлексов) и противоположная ей асистемность, размытость ареала (когда на сравнительно небольшой территории наблюдается огромное разнообразие рефлексов или высокая концентрация разнолексемных номинаций (ср., например, ситуацию в словенских диалектах, где чаще всего наблюдается такая ситуация, которую можно сравнить, пожалуй, с эффектом «прибрежных волн»).

Карты атласа позволяют проследить не только процесс разрушения ареалов праславянских лексем, но и **процесс формирования новых ареалов**.

Наглядной иллюстрацией этого процесса могут служить микроареалы эксклюзивных лексем, существующих во всех славянских диалектах (ср., например, распространение эксклюзивных лексем в **словенских** диалектах: *moč-ьn-ik-ь* к. 15 „летучая мышь“ т. 1 «Животный мир»; *vin-ik-a* к. 8 „виноград“ т.

4 «Сельское хозяйство»; *modr-uš-ь* к. 61 „василек“ т. 4 «Сельское хозяйство»; *vyx-ъj-e, masl-o* к. 37 „сметана“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»; *děl-av-ьc-a* к. 41 „женщина, которая работает на заводе или на фабрике“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь»; *gost-(ij)-a, gost-iv-a-n-ъj-e* к. 16 „свадьба“ т. 10 «Народные обычаи»; *vesel-i-mь se* к. 25 *Isg praes radujq (se)* т. 10 «Народные обычаи»; *pleš-al-ьc-ь* к. 28 „человек, который хорошо танцует, пляшет“ т. 10 «Народные обычаи»; *(punc)-a, ljub-a* к. 10 „невеста“ т. 10 «Народные обычаи»; *ob-žen-i-tь <se>* к. 12 „выходит замуж“ т. 10 «Народные обычаи» и др.). Микроареалы всех этих лексем являются величинами позднего времени, что говорит о том, что в этих диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава.

Как уже отмечалось выше, Атлас имеет прежде всего **сравнительно-историческую** направленность, поскольку в основе его лежит генетический принцип установления диахронического тождества слов и морфем, реконструируемых для позднего праславянского периода. Эта диахроническая направленность Атласа особенно хорошо прослеживается в его фонетико-грамматической серии, где отчетливо видна дифференциация славянских диалектов в зависимости от исторического развития картографируемых праславянских единиц.

Давая представление о шкале возможных и допустимых перемещений в исторической эволюции праславянских фонем, карты этой серии впервые предоставили возможность исторического прочтения лингвистического ландшафта Славии, продемонстрировав эффективность синтеза сравнительно-исторического и лингвогеографического методов исследования.

Публикация **фонетических** томов Атласа позволила **критически оценить высказанные ранее гипотезы о фонетической субституции некоторых праславянских звуков** в позднепраславянском и современных славянских языках. Так, например, материалы первого фонетического тома «Рефлексы *ě» дали возможность ответить на два принципиально важных вопроса, а именно: 1) какова была фонетическая природа *ě, в частности его линейный характер (являлся ли он дифтонгом или был монофтонгом); и 2) что представлял собой *ě в артикуляционном отношении (если это был дифтонг, то каковы были его компоненты, если монофтонг, то каково было его качество). Как известно, эти вопросы неоднократно обсуждались в славистике и имели разные решения, поскольку фонетическая субституция *ě связывалась то с долгим *e:*, то с долгим

закрытым e ; то с широким открытым гласным переднего ряда типа $'ä$, коррелирующим с гласным непреднего ряда нижнего подъема a , то с дифтонгами либо закрытого типа ie , либо открытого типа ia , $iä$, ea , ea , $eä$ (подробнее см.: Вендина 1998: 130). Такое многообразие точек зрения объясняется не только «загадочностью» предмета исследования (вызывавшего у некоторых ученых скептическое отношение к возможности решения проблемы реконструкции фонетического качества $*ě$), но прежде всего недостатком материала, необходимого для всестороннего анализа.

Публикация фонетического тома «Рефлексы $*ě$ » позволила выдвинуть гипотезу, согласно которой на фоне синхронных и ареальных показателей Атласа более убедительной представляется эволюционная теория $*ě$, когда в качестве исходной для одних диалектов признается широкая открытая артикуляция типа ea (ea , $eä$, $'ä$), а для других узкая закрытая типа e с последующим преобразованием их либо в сторону дальнейшего сужения (ср. модель $ea > e > ie > i$ (iie), характерную для многих сербских, хорватских, словенских, а также, возможно, и некоторых севернорусских говоров, или $e > ie > i$ – для украинских и некоторых севернорусских говоров или модель $ea > e$ – для македонских, северо-восточных штокавских и западноболгарских), либо в сторону расширения (ср. модель $ea > 'a > 'a$, которая характерна для ряда восточноболгарских и македонских говоров или модель $e > e$ – для многих русских говоров (подробнее см. Вендина, 1997: 209; Вендина 1998: 136).

Публикация томов «Рефлексы $*e$ » и «Рефлексы $*o$ » дала возможность в деталях выявить весь спектр рефлексов этих праславянских гласных во всем их диалектном разнообразии.

Рефлексом праславянского $*e$ в позиции под ударением (не в новом закрытом слоге) является гласный переднего ряда среднего подъема e . При этом гласный e в отношении континуантов других праславянских гласных может занимать доминирующую позицию, поскольку он способен поглощать их (например, $*ь > e$, $*ě > e$, $*e > e$).

Карты Атласа говорят о том, что локализация гласного в пределах среднего подъема по диалектам варьировалась, порождая диалектные различия. Более широкое/низкое образование гласный $*e$ имел в регионе северо-западной части хорватских (особенно кайкавских), части словацких диалектов, а также в западных украинских говорах. Об этом свидетельствует рефлексация $*e$ в виде a , $>$ под ударением. Понижение подъема гласного $*e$ отражает и континуант e , который встречается в верхнелужицких, словенских, хорватских и сербских диалектах.

Дифференциация славянских диалектов прослеживается и в рефлексации инициального *е, прикрытого ~ неприкрытого спирантом *j* типа *(je)zero, *(je)lenь, *(j)esень и др. Континуанты этих праформ имеют в славянских диалектах в своем начале [*je* ~ *e* ~ *o*].

Карты Атласа позволили внести коррективы в существующие в славистике объяснения этого феномена. Рефлекс *o* представлен в восточнославянских диалектах. Его происхождение объясняют как новообразование, появившееся в результате изменения *е (Шахматов, Якубинский и др.). Однако существует и другая точка зрения, согласно которой уже в праславянском языке существовали варианты с инициальными гласными *е и *о, при этом появление спиранта *j* перед *е относится к более позднему периоду (Соболевский, Бернштейн и др.). И материалы Атласа свидетельствуют в пользу второй точки зрения. Праславянское происхождение вариантов с инициальным гласным *o* подтверждается наличием перед ним протез *w*, *h* в белорусских и украинских диалектах так же, как это имеет место перед рефлексами праславянского *о.

Диалектная дифференциация *terra Slavia* наблюдается и в варьировании подъема лабиализованного гласного, являющегося континуантом *о, от высокого гласного *u* до гласного среднего между [o] и [a] – звука э, который встречается в отдельных сербских и словенских диалектах. Кроме того, в ряде славянских диалектов наблюдается дифтонгизация рефлекса *о, которая основана на выделении билабиального спиранта 1) перед лабиализованным гласным – тип *uV* (словенские, болгарские, словацкие и польские диалекты) и 2) после лабиализованного гласного – тип *Vu* (словацкие, словенские, хорватские, кашубские диалекты). При этом вокальный компонент этих дифтонгов может утрачивать лабиализованность, вступая в отношения диссимиляции со спирантом.

На картах Атласа отчетливо видно, что славянские диалекты различаются и в зависимости от наличия/отсутствия протезы, а также ее качества перед начальным гласным *o*, так как протетический согласный может быть:

- билабиальным спирантом (*u*, *w*) или лабиодентальным (*v*) (словенские, лужицкие, чешские, польские, украинские, белорусские диалекты);
- заднеязычным в виде фарингального спиранта *h* (в серболужицких и украинских диалектах), задненебного *ɣ* (в белорусских);
- среднеязычным спирантом *j* (в хорватских кайкавских говорах), развившимся в результате локализации придыхания в палатальном ряду.

Наличие протезы позволяет говорить о противопоставлении северной Славии ~ южной (хотя нельзя не отметить, что в южнославянском регионе выделяется крайний запад в виде группы словенских диалектов, которые по наличию в них

протезы аналогичны говорам северной Славии; в западнославянских языках выделяются словацкие диалекты, факт отсутствия протезы в которых сближает их с южнославянскими диалектами).

Таким образом, сам материал Атласа говорит о том, что фонетическая система праславянского языка была чрезвычайно сложной и при этом диалектно дифференцированной. Включение в систему доказательств фактора пространства позволяет не только определить фонетическую субституцию праславянской единицы, но и является убедительным свидетельством отсутствия единого в фонетическом и лексическом отношении «праславянского наречия» (Мейе 1951: 1), из которого традиционно выводились все славянские языки.

Фонетические карты Атласа позволяют пересмотреть и некоторые древние изоглоссы, которые традиционно считались релевантными для южно- и восточнославянской языковой группы. Так, в частности, материалы тома «Рефлексы *ɛ» вносят коррективы в существующие представления о том, что рефлекс *a* на месте *ɛ является исключительной принадлежностью восточнославянских языков, так как в южнославянских диалектах после праславянских шипящих и *j* на месте *ɛ выступает гласный более широкий, чем после других согласных (см., например, карты *žɛdlo, *žɛdja, *žɛdъnъ, *žɛlъ, *jɛčъmy, *jɛzykъ, *(-)jɛla, *zajɛсь и др.).

Неравномерность развития диалектных систем, помноженная на исключительное многообразие праславянских континуантов, представленных на картах Атласа, позволяет установить и **последовательность различных стадий исторической эволюции** праславянских фонем, выявить типологию их развития, что дает возможность внести коррективы в сложившиеся в славистике представления об этих процессах. Так, например, материалы томов «Рефлексы *ɛ» (Москва 1990), «Рефлексы *q» (*Warszawa* 1990) выявляют различные стадии процесса деназализации рефлексов праславянских *q, *ɛ, обнаруживая факты, ранее не известные в славистике. Карты обоих томов показали, что носовой резонанс этих праславянских гласных характерен далеко не для всех польских диалектов: полностью, в виде вокальной назальности, он сохранился в кашубских, в отдельных мазовецких и малопольских говорах, кроме того, он наблюдается также в отдельных говорах Каринтии, хотя и только у представителей старшего поколения; в большинстве других польских диалектов, а также в южномакедонских говорах он представлен лишь в виде консонантной назальности (Topolińska, Видоески 1990: 110).

Таким образом, карты Атласа свидетельствуют о высокой исторической информативности диалектного ландшафта Славии, ибо разрозненная фиксация

языковых фактов, представленная в отдельных сравнительно-исторических штудиях, выстраивается на его картах в логически последовательные цепи, отражающие реальную связь изучаемых явлений в пространстве и времени.

Возможность рассмотреть то или иное явление в общеславянском контексте позволяет **по-новому взглянуть и на факты истории фонетических систем отдельных славянских языков**. Так, в частности, материалы четвертого тома Атласа «Рефлексы *ьг, *ьг, *ьл, *ьл» (*Warszawa* 1994) дают основания для пересмотра существующих в русистике взглядов на явление аккомодации сонанта предшествующему гласному переднего ряда, традиционно рассматривавшееся как исконно русское (ср. **рус.** *‘p’er’voj; ‘p’er’vьj; ‘p’er’vqj; ‘p’er’vaj; v’er’x; v’ir’ba; ‘v’er’ba; č’et’v’er’k; c’et’v’er’k; čyt’v’er’k; s’er’p; ‘cer’kva; ‘c’er’kof; ‘c’er’kaf; ‘cer’kaf* и др.), отражающее следы т. н. «второго полногласия». Широкое распространение этого явления не только в русских, но и во многих западнославянских говорах (ср. **польск.** *v’ešx, v’ješx, vjeřx, vjeřba, v’ežba; šeřp; m’ežva; m’ižva; m’ežva, šešp; šešp; šišp; v’il’k, w’il’k; v’il’gotny; w’il’gotnyj; луж.* *w’er’ba; m’er’wa, w’er’x; чеш.* *vil’k ; словац.* *vil’k; vil’hotni*), наличие разорванных (часто неконтактных) ареалов в отдельных украинских (прежде всего юго-западных, ср. **укр.** *vur’x; ver’x; ser’p; ‘mer’va; ‘mer’va; čyt’vyr’; čyt’ver’; čet’ver’; ‘cer’kova*) и белорусских (витебско-могилевских) говорах (ср. **болг.** *v’er’x; čac’’v’er’x; čyc’’v’er’x; čac’’v’er’; čac’’v’er’h*) позволяет квалифицировать его как одно из диалектных праславянских явлений, которое охватило северные диалекты Славии, способствуя тем самым формированию диалектного различия, противопоставившего севернославянский ареал южнославянскому.

Таким образом, картографирование имеет уже не просто иллюстративную функцию, а становится важной теоретической составляющей сравнительно-исторического языкознания.

Карты Атласа нередко свидетельствуют о том, что **традиционно принятые аргументы при объяснении тех или иных фонетических явлений теряют свою объяснительную силу**, как только в систему доказательств включается фактор пространства, ср., например, судьбу редуцированных *ь и *ь перед слогом с гласным полного образования в формах типа **тьха*, представленных в 4б томе «Рефлексы *ь, *ь. Вторичные гласные» (*Скопје* 2003): вокализация редуцированных в начальном слоге перед слогом с гласным полного образования, засвидетельствованная практически повсеместно в западно- и восточнославянских диалектах, а также в словенских и некоторых сербских, доказывает возможность фонетического обоснования развития редуцированных в данной праформе и подрывает традиционную точку зрения о влиянии морфологиче-

ской аналогии, ибо морфологическая аналогия, проявляющаяся, как правило, индивидуально, вряд ли могла стимулировать изменение фонетического облика слова на таком обширном языковом пространстве. В противном случае это означало бы признание морфологической аналогии таким необъяснимым феноменом, который распространяется на огромной территории и на большой временной протяженности (ибо падение редуцированных в разных языках шло в разное время), что едва ли правомерно (см. Калнынь 1996: 40).

Следует отметить также, что фонетические тома, посвященные редуцированным, заставляют по-новому взглянуть и на проблему, которая до сих пор в славистике казалась давно уже решенной, а именно на оценку их «сильной» и «слабой» позиций. Карты ОЛА показывают, что в восточнославянских диалектах правило Гавлика в т. н. «слабой» позиции перед слогом с гласным полного образования «не работает», поскольку в этой позиции прослеживается вокализация «слабых» редуцированных (см., например, карты **trъstina*, **drъva*, **krъvavъ*, **krъstjenъ*, **xrbъbtъ*, **trъbuxa*, **grъmitъ*, **blъxa*, **glъtalъ*, **jablъko*, **slbza*, **kьnetъ*, **stьklo* и др.). Это обстоятельство заставляет историков языка вновь вернуться к вопросу о том, чем обусловлено прояснение редуцированных в данной позиции – влиянием морфологической аналогии (выравниванием основ в парадигме), как это традиционно считалось, но против чего «восстает» фактор пространства, или собственно фонетическими условиями, признанием того, что редуцированные и в этом случае находились в «сильной» позиции. Таким образом, «те аргументы, какие могут быть выдвинуты для объяснения определенных явлений в истории отдельных славянских языков или диалектов и какие в этом случае могут считаться достаточными, – эти аргументы теряют свою доказательную силу, когда такие явления обнаруживаются на большом языковом пространстве. Именно подобное широкое языковое пространство представлено на картах ОЛА, и историки славянских языков уже теперь не могут не учитывать отраженные на них факты при изучении и интерпретации развития тех или иных процессов и явлений в определенном славянском языке или диалекте» (Иванов 1996: 17).

Не менее важным является и другой аспект Атласа – **синхронно-типологический**, так как ОЛА охватывает целую семью хотя и близкородственных языков, но существенно отличающихся по своему строю. Этот аспект Атласа реализуется как в фонетико-грамматической, так и в лексико-словообразовательной

серии.

Так, в частности, во всех томах фонетико-грамматической серии ОЛА содержатся **типологические карты**, репрезентирующие целые фрагменты языковой системы, на которых в обобщенном виде представлена информация, содержащаяся на отдельных картах, посвященных континуантам той или иной праславянской фонемы.

Синтезируя и упорядочивая огромный материал целого тома, эти обобщающие карты являются по своей сути интерпретационными, поскольку на них репрезентируются результаты сопоставления современных континуантов с более ранними, тогда как факты, не являющиеся продолжением развития собственно праславянских единиц, авторами элиминируются. При этом на картах получают отражение не только рефлекссы картографируемых праславянских фонем, но и их позиционное поведение (отношение к ударению, вокальному количеству и консонантному окружению). После тщательного, скрупулезного сравнительно-исторического и лингвогеографического анализа авторами карт материалов всего тома (анализа, который можно сравнить, пожалуй, с работой археологов, последовательно снимающих более поздние напластования) искомая информация предстает на обобщающих картах в «чистом виде», что делает эти карты бесценным вкладом в сравнительно-историческое языкознание и лингвистическую географию.

Обобщающие карты посвящены исследованию таких, например, вопросов, как влияние консонантного окружения на рефлексацию праславянских вокалов. В большинстве сравнительно-исторических исследований эта информация, как правило, отсутствует или носит эпизодический характер. Между тем карты Атласа продемонстрировали, как важен учет консонантного окружения при изучении рефлексации праславянских гласных, поскольку наличие или отсутствие влияния фонетического контекста может являться причиной возникновения древнейших диалектных различий. Так, например, изучение связи рефлексации **e* с консонантным окружением позволило сделать следующий вывод: «развитие гласного **e* в масштабах славянского диалектного континуума определялось двумя главными тенденциями, а именно: а) регрессивным ассимилятивным воздействием следующего за **e* мягкого согласного, ведущим к повышению тоновой характеристики гласного (почти все западнославянские, северо-восточные русские диалекты и б) прогрессивным диссимилятивным влиянием предшествующих небных согласных, проявляющимся в понижении тоновой характеристики гласного (оно охватывает значительно меньшую, но более компактную территорию – словацкие, западноукраинские, некоторые

южнославянские диалекты)» (Пожарицкая, Попова 1990: 174).

Принципиально иным оказывается вывод о влиянии консонантного окружения на рефлексию праславянского *о. В большинстве славянских диалектов (сербских, хорватских, македонских, болгарских, чешских, словацких и восточнославянских) развитие *о в открытом слоге не зависело от консонантного окружения, что подтверждается, с одной стороны, наличием обширных ареалов континуантов *о, существующих в любом фонетическом контексте без каких-либо ограничений в консонантном окружении, а с другой – отсутствием позиционного варьирования его континуантов в открытом слоге. Связь рефлексии *о с фонетическим контекстом характерна в основном для словенских, польских и серболужицких диалектов. Несмотря на то, что влияние консонантного окружения на рефлексию *о отразилось в них по-разному, однако общим является сам характер этого влияния (прогрессивное и регрессивное) и основные оппозиции, формируемые губными и небными согласными:

– при прогрессивном воздействии согласных на рефлексию *о, являющемся основным во всех отмеченных выше диалектах, чрезвычайно важной оказывается позиция после губных и заднеязычных согласных (польские, серболужицкие, словенские диалекты);

– при регрессивном их воздействии на рефлексию *о определяющим является соседство с губными (словенские диалекты), j (словенские и серболужицкие диалекты) и назальными согласными (словенские, польские диалекты).

Соседство со всеми этими согласными ведет, как правило, к появлению альтернативного континуанта, который либо сужается и повышается, либо расширяется, либо перемещается по ряду (подробнее см. Вендина 2008: 144).

Новой и принципиально важной для сравнительно-исторического языкознания является информация о влиянии вокального количества на рефлексию праславянских гласных *ě, *q и *e. На обобщающих картах Атласа, посвященных рефлексии этих праславянских гласных, впервые четко обозначен ареал влияния вокального количества (польские, чешские, словацкие, словенские, сербские и хорватские диалекты) и определен тип влияния – непосредственное (что чаще всего наблюдается в словенских диалектах) и опосредованное (примером такого влияния являются, как правило, польские диалекты). Судьба этих праславянских гласных складывалась по-разному в зависимости от их вокального количества и качества: рефлекс, например, носового *q менее зависимы от вокального количества (Ivić, Logar 1990: 112) – непосредственное влияние наблюдается лишь в отдельных словенских диалектах, чем рефлекс *e, где эта зависимость наблюдается уже в более широком ареале (Ивич, Логар 1990:

170) – практически все словацкие диалекты и отдельные словенские; особенно ярко это явление отражается на рефлексах *ě, развитие которого практически во всех этих диалектах зависит от влияния вокального количества (Ивич, Логар 1988: 154).

Предметом картографирования в Атласе стал также вопрос о влиянии ударения на рефлексацию праславянских гласных, т. е. иными словами, сохранил ли этот гласный свое специфическое качество под ударением и без ударения или растворился в рефлексах других праславянских гласных (ср., например, обобщающую карту «Отношение рефлексации *ě к ударению» [Вендина, Калнынь 1988: 152], на которой отчетливо выделяются две группы говоров: 1) **говоры, в которых рефлексация *ě зависит от ударения**, так как в них *ě сохранил свою специфику лишь под ударением, поскольку без ударения он утратил свою индивидуальность, совпав либо с более широким низким гласным [серболужицкие, значительная часть севернорусских говоров – архангельских, вологодских, костромских, отдельные пункты в среднерусских новгородских, селигеро-торжковских, владимирско-поволжских и южнорусских верхне-днепровских говорах, тульских и восточных; большинство белорусских и украинских севернополесских говоров; из южнославянских – часть словенских (приморских, горенских, белокраинских и штаерских) говоров и отдельные пункты в говорах Эгейской Македонии (п. 112), либо с более узким высоким гласным (что наблюдается значительно реже и встречается в основном в отдельных новгородских говорах, словенских, сербских и македонских]; 2) **говоры, в которых ударение не влияет на рефлексацию *ě**, так как в них он либо утратил свою специфику [большинство русских, сербских, хорватских и македонских диалектов, частично белорусских и словенских], либо сохранил ее независимо от ударения [большинство украинских диалектов и отдельные пункты в сербских штокавских говорах]).

Новым перспективным направлением в лингвистической географии является и создание в ОЛА обобщающих фонетико-фонологических карт, репрезентирующих факт сохранения или утраты фонологической индивидуальности праславянской фонемы в ее отношении к другим функциональным единицам фонологической системы праславянского языка независимо от ее современной фонетической реализации. Авторы этой серии карт (Б. Видоески и З. Тополинска) вскрывают сложные отношения континуантов картографируемой фонемы с другими единицами диалектной системы вокализма, которые во многих славянских диалектах возникли вследствие частичного позиционного или факультативного ее совпадения с другими фонемами. Используя специальную систему

картографических средств, они показывают развитие взаимодетерминированных рефлексов, передавая хронологически самые ранние совпадения праславянской фонемы с другими единицами частной диалектной системы, дифференцируя объединения с двумя, тремя и даже четырьмя фонемами (см., например, такие карты, как «Фонологический статус рефлексов *ě / *ě:» или «Фонологический статус рефлексов *ę / *ę:» и др.).

Сопоставительный анализ этих структурно-типологических карт ОЛА позволит в будущем «нащупать» механизм развития многих праславянских фонем **и выявить внутренние связи сходных по своим результатам рефлексаций** (например, *ě и *ę), что в конечном итоге позволит создать историческую типологию фонетико-фонологических систем славянских диалектов.

Такой принципиально новый подход к интерпретации материалов Атласа позволил по-новому взглянуть на диахроническую типологию славянских языков, с докладом о которой на IX съезде славистов выступил П. Ивич. В своем докладе он поднял вопрос о причинах, вызывающих изменения в системе вокализма славянских языков. Одной из таких причин является тенденция к упрощению системы вокализма. И хотя это упрощение в разных славянских языках протекало по-разному, однако определенные закономерности все же прослеживаются. Они связаны с действием главным образом двух факторов – просодического (ударение, количество, тон) и позиционного (граница слова – начало или конец, качество предшествующего и последующего согласного, а также качество гласного следующего слога). Главными из них, по мнению П. Ивича, являются **ударение** (а точнее, безударность), **количество** и **мягкость** соседнего согласного. Причем территориальная дистрибуция действия этих факторов разная: в восточнославянских языках, как и на восточной окраине южнославянских языков, наблюдается комбинация двух факторов – ударения и мягкости согласного. В западнославянских диалектах наибольшую силу имело количество и мягкость согласного. В словенском языке и ближайших к нему хорватских диалектах существенным было влияние количества и ударения. В кайкавских и чакавских говорах особенно значимо было количество, а ударение оказало небольшое влияние. В штокавских говорах, а также в большинстве македонских и некоторых западноболгарских говорах действия этих факторов практически не наблюдается (Ivić 1983: 1).

Таким образом, материалы фонетико-грамматической серии Атласа являются ярким свидетельством того, что ОЛА дает возможность не только для сравнительно-исторического, но и для типологического изучения современных славянских диалектов, выявления их типологических особенностей.

Не менее значимой является структурно-типологическая информация из лексико-словообразовательной серии карт. Это относится прежде всего к **мотивационным картам** как к новому типу лингвистической интерпретации картографируемого материала. Пока удельный вес этих карт в Атласе сравнительно невелик, однако число их в каждом томе увеличивается.

Ценность их определяется тем, что, эксплицируя внутреннюю форму того или иного слова, они позволяют выявить принципы номинации реалии, и, в отличие от этимологических исследований, **позволяют сразу увидеть пространственную стратификацию всей лексико-семантической группы** на территории Славии. В этом смысле на карте как бы в конденсированном виде отражен фрагмент славянской языковой картины мира. А наличие разных мотивационных признаков, четко выявляемых в легенде к каждой карте, дает возможность реально увидеть **своеобразие национального языкового сознания** в сложном процессе восприятия мира человеком, его познавательной и классифицирующей деятельности. Поэтому мотивационные карты предпочтительнее любых диалектных или сравнительно-исторических исследований монографического характера.

Иллюстрацией такой карты может служить мотивационная карта, посвященная наименованию ужина к. 62 „ужин, вечерняя еда“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». В мотивационных признаках ее лексем отразилась, с одной стороны, идея движения солнца, его **пространственной локализации** на небосклоне как указания на время приема пищи (из праславянского *jugъ [Фасмер IV: 152]), рус. //už-in-ъ, //už-in-a, //už-ьn-a, а с другой – внимание к самой идее **времени**, в частности, к определенному промежутку времени как части суток (ср. *večer-ь, večer-j-a*), характерной для большинства славян.

Другой пример диалектных различий в мотивационных признаках можно найти на карте 14 „подходит, растет“ (о тесте) т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи»: если в большинстве славянских диалектов этот процесс осмысливается через идею «**движения**» (о чем говорят корни **xod(j)-*/**xad(j)-* или **dvig-*/**dviž-* распространенные в словенских, хорватских, польских, чешских и восточнославянских диалектах) или «**роста**» (корень **ost-* в словацких, польских, южно- и восточнославянских диалектах), то в кашубских диалектах этот процесс связан с идеей «**работы**» (ср. корень **orb-* в кашубских: ‘*ro^ub’i*, ‘*rob’i*).

Четкое ареальное противопоставление северной и южной Славии просматривается на мотивационной карте L 2197 „счастье“ т. 10 «Народные обычаи»: в северной Славии представления о счастье связаны с наделенностью человека долей, частью (*sъ-čęst-bj-e, dol-j-a*), у лужичан – это прямое указание на субъекта,

наделяющего этой долей (ср. *съ-божъ-ь-ь-е*), в то время как в южной Славии эти представления ассоциируются с встречей (*съ-рѣт-ь-а*, *съ-рѣт-ь-а*) как судьбой человека, поскольку «судьба осмысливается как предначертанный человеку свыше путь» (Славянские древности 5: 203). «Случайная непредвиденная встреча рассматривается в народе как знак, влияющий на дальнейший ход событий в жизни человека, как знак некоей высшей силы, которая наделяет человека счастьем. Первоначально этот знак соотносился с неожиданным приобретением „счастья“, „удачи“, „счастливой доли“. По сербским поверьям счастье можно обрести только встретив его (ср. сербскую поговорку: *Срећу ако не сретнеш, нећеш је стићи* – „Счастье не обретешь, если не встретишь его“»)» (Плотникова 2013: 218).

Такое же четкое противопоставление по линии север ~ юг просматривается в мотивационных признаках на карте L 2250 „курит“ (папиросу) т. 10 «Народные обычаи». Если в северной Славии и в словенских диалектах актуализируется признак с общим значением „жечь, разжигать огонь“, то в южной Славии – признак со значением „дуть, выдыхать“; различия прослеживаются и в лексемной реализации объектного признака («что используется для этого»): если в западнотриестинских и приморских словенских диалектах внимание акцентируется на «трубке» (*fajf-a-j-e-ть*, *faj-ь-ь-i-ть* (< *faj*)-*ьk-a*) от нем. *Pfeife* „трубка“; *pip-a-j-e-ть* от словен. *pipa* „курительная трубка“), то в болгарских и македонских диалектах – на самом табаке (ср. *pi-j-e-ть* (*tutun*)-*ь* из тур. *tütün* „табак“).

Сходная ареальная картина вырисовывается и на карте L 2340 „похоронит“ т. 10 «Народные обычаи»: в диалектах северной Славии наблюдается реализация мотивационного признака „прятать, сохранять“, тогда как в южной Славии получил широкое распространение признак „закапывать, зарывать“.

Более сложная картина в распределении мотивационных признаков представлена на карте L 2311 „праздник“: если в западнотриестинских диалектах, а также в хорватских в основе наименования лежит сакральный признак (ср. *svet-a*, *svet-o*, *svet-ьk-ь*, *svet-ьk-y*, *svet-ьc-ь*, *svet-ь-dьn-ь* и др.), то в русских, болгарских и словенских диалектах – профанный, указывающий на то, что это день „свободный от работы“ (ср. *porzd-ьn-ik-ь*, *ne-děl-ь*, *gul-ь=-a-n-ь-j-e*), а в украинских, белорусских, сербских и македонских диалектах в основе наименований праздника встречаются оба признака.

Наличие мотивационных карт в «Общеславянском лингвистическом атласе» является надежным источником этнолингвистической информации, поскольку они позволяют увидеть мотивационный признак в пространстве языка той или иной культуры и поэтому являются, по сути дела, лингвогеографической проек-

цией языка этой культуры.

Так, например, в томе «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» находится мотивационная карта, посвященная названию „первого куска хлеба, отрезанного от буханки, горбушки“. На этой карте наряду с пространственным и процессуальным мотивационным признаком (ср. *kraj-ьс-ь, kraj-ьщ-е, kraj-iщ-е, kraj-ьк-а, kraj-ик-ь, kraj-ик-а, kraj-ьщ-ик-ь* или *kroj-ь, съ-kroj-ьк-ь; pri-lěp-ьк-а, съ-lěp-ьк-ь; rěb-ь, rěb-ьщ-е; na-щet-ьк-ь, na-čin-ьк-ь, ob-ber-ьк-а*) представлен антропоморфный признак (ср. лексемы *гъrb-ух-а, гъrb-уш-а, гъrb-уш-ьк-а, гъrb-уш-ьк-ь, гъrb-ьк-ь* и др., распространенные главным образом в русских и частично украинских и белорусских диалектах; или лексемы *peť-ьк-а, peť-iщ-ьк-а* и др., характерные в основном для периферийных македонских, южнопольских и чешских диалектов; лексема *льb-ьк-ь*, отмеченная только в украинских диалектах; лексемы *jan-ьк-ь, jan-ьк-о* и др., встречающиеся в словацких и в некоторых в чешских диалектах). Все эти названия говорят о том, что хлеб в языке этих культурных традиций воспринимается как живое существо, имеющее свои «части тела». На это косвенно указывает и другая карта Атласа – „подходит, растет (о тесте)“, которая свидетельствует о том, что тесто практически во всех славянских диалектах уподобляется живому существу.

Отражение на карте всех зафиксированных в славянских диалектах названий позволяет увидеть реальную картину фрагмента славянского языкового мира. В этом смысле материалы Атласа имеют еще одну чрезвычайно важную ценность – лингвокультурологическую. Так, в частности, лингвокультурологическая информация содержится на карте L 2203 „выходит замуж“: у большинства славян женщина выступает как пассивное лицо, ибо она идет «за мужа» (*vy-χod-i-ть за mǫž-ь, za mǫž-a, vь за mǫž-ь*) или отдается ему в жены (*vy-da-j-e-ть <se>, vy-da-v-a-j-e-ть <se>*), вместе с тем у некоторых южных и западных славян она выступает как активное лицо, приобретающее иной статус, ибо она *žen-i-ть <se>, ob-žen-i-ть <se>, mǫž-i-ть <se>, o-mǫž-i-ть <se>, rǫč-i-ть <se>, rǫk-u-j-e-ть <se>* и т. д.

Несмотря на то что культурно-историческая направленность Атласа в опубликованных томах пока еще ясно не эксплицирована, однако в дальнейшем она может быть достаточно четко представлена на его этнолингвистических картах, соединяющих в себе принципы собственно лингвистического и культурологического анализа картографируемого материала (опыт составления таких карт имеется уже в ЛАЕ [см., например.: Гак 1996: 105, Alinei 1997: 3]).

Анализ мотивационных признаков является чрезвычайно важным и для хронологической стратификации представленных на карте названий, ибо, согласно культурной морфологии, в истории языка любой культуры существуют доволь-

но устойчивые «прозрачные модели мотивации», в соответствии с которыми условно можно выделить «три отдельных слоя: слой, поддающийся самой легкой идентификации и датировке, принадлежит истории, а именно христианству и исламу... В доисторическую эпоху можно различить два слоя: один характеризуется „сверхъестественными, сверхчеловеческими“ языческими персонажами, а второй уже без антропоморфизма, еще более ранними зооморфными образами и представлениями о родстве» (Фирек 2003: 32). В отличие от «немой» археологической стратификации, эта культурно-историческая стратификация является «говорящей», ибо на лингвистических картах Атласа все эти культурные слои до сих пор остаются «живыми» (см., например, карту „божья коровка“, на которой «сосуществуют» в пространстве и во времени названия, относящиеся ко всем трем культурно-историческим слоям – христианскому, ср.: *bož-ъj-a korv-ъk-a*, *bož-ъj-ъ vol-ъk-ъ* или по именам святых: *katarin-ъk-a*, *marget-ic-a*, *an-ъč-ica*, *elen-ъk-a bož-ъj-a*, *ivan-ъč-ikъ*, *ivaš-ъk-a*, *petr-ik-ъ* и т. д.;³ и языческому – антропоморфному, ср.: *ne-vest-a*, *ne-vest-ica*, *pan-ъn-a*, *pan-ъn-ъka*, *sir-ot-ъka*, *rod-in-ъk-a*, *mat-in-ъk-a*, *bab-a*, *malžen-ъk-a*, *god-un-ъk-a*, *vorž-ъk-a* и др.; и зооморфному, ср. *ov-ъč-ic-a*, *ov-ъč-ъk-a*, *vol-ъ*, *vol-ik-ъ*, *baran-ъ*, *koz-ar-ъk-a* и др.).

Создание таких карт в ОЛА – дело, несомненно, будущего. Однако и сегодня соединение лингвистического, этнолингвистического и лингвогеографического подходов в интерпретации материалов Атласа позволяет не только выявить много интересного, но и внести коррективы в саму «идеологию» картографической концепции.

Так, в частности, осмысление опубликованных материалов лексико-словообразовательной серии Атласа приводит к мысли о необходимости включения данных этнолингвистических исследований в лингвистический комментарий лексической, лексико-словообразовательной и мотивационной карт, поскольку этнолингвистика помогает многое прояснить в мотивационных признаках картографируемых лексем, мимо которых часто «проходит» автор карты: например, внимательное прочтение карт первого тома ОЛА «Животный мир» обнаруживает сходство в морфемной структуре лексем *last-ъk-a* и *last-ъč-ъk-a* на картах, посвященных названию ласки и ласточки (к. 9 „ласка“ и к. 24 „ла-

³ Следует отметить, что этот мотивационный признак является чрезвычайно значимым для представителей разных культур, ибо он встречается и в других европейских языках, ср. англ. *lady-cow* или *cow-lady* «корова Богородицы», *lady-bug* «жук Богородицы», франц. *vache a Dieu* «божья коровка», итал. *vacheta de la Madyna* «коровка Мадонны», исп. *buey de Dios* «божий вол», нем. *Marienkäfer* «жук Марии», бретон. *elik doue* «божий ангелок», швед. *Jesu vallflicka* «пастух Иисуса» и т. д. (подробнее см. Фирек 2003: 33; Донадзе 2004: 108).

сточка“), причем сходство не только морфемное, но и ареальное: обе лексемы имеют приблизительно одинаковую географию (восточнославянские диалекты, а точнее – южнорусские, восточноукраинские и восточнобелорусские). Объяснение этому странному совпадению дает этнолингвистика, указывающая на то, что «в народной традиции ласточка обнаруживает сходство с лаской (обеим свойственна женская символика, обе они благоприятствуют скоту, обе наделяются функцией щекотания [«лоскотания»])» и т. д. (подробнее см.: Гура 1997: 631–632).

Этнолингвистический комментарий помогает прояснить и непонятную для читателя мотивацию многих других названий. Так, например, в третьем томе Атласа, посвященном растительному миру, на карте № 56 „ядовитый гриб“ представлена целая вереница названий, во внутренней форме которых наблюдается соотнесенность с различными животными (ср. *pъs-b-ak-ъ*, *sabač-ъn-ъ-ak-ъ*, *vъlč-ъ-ak-ъ*, *myš-ъ-ak-ъ*) и гадами (ср. *gad-ъ-ač-ъk-a*, *ěž-ov-ъk-a*). Объяснить эту мотивацию можно лишь в том случае, если принять во внимание общий принцип номинации грибов, установленный этнолингвистикой, в соответствии с которым названия несъедобных грибов часто являются отражением древних представлений о связи ядовитых грибов с нечистыми животными и растениями (Славянские древности 1: 548).

Эти примеры свидетельствуют о том, что разрешающие возможности лексического материала Атласа могут быть значительно увеличены, если при его анализе будут использоваться и данные этнолингвистики.

Карты Атласа позволяют не только увидеть разные мотивационные признаки в пространстве языка той или иной культуры, но и провести глубинную смысловую реконструкцию метафорических образов, лежащих в основе этих мотивационных признаков (см., например, реконструкцию метафорических образов божьей коровки в Топоров 1999: 491; Вендина 2000: 193). Этнолингвистический подход к репрезентации материала на карте, предполагающий объясняющую интерпретацию лингвистической карты, открывает, таким образом, большие перспективы перед «Общеславянским лингвистическим атласом» в картографической проекции духовной культуры славян. Расширение практики мотивационной картографии «позволит отвлечься от формальных различий между языками и сосредоточиться на сходных или одинаковых идеологических и культурных представлениях для исследования „мотивационного метаязыка“, общего для всех языков мира» (Донадзе 2004: 107). Следует отметить, что именно на этом направлении международный коллектив ЛАЕ достиг наиболее заметных результатов.

Наконец, самую небольшую в количественном отношении группу карт составляют собственно **семантические**. К сожалению, в опубликованных томах Атласа их представлено сравнительно немного, причем в большинстве своем они имеют лакуны в ответах, однако даже этот ограниченный материал позволяет говорить о существовании в славянских диалектах и семантических различий.

Ярким примером таких различий может служить значение „ячмень“ у лексемы *žito* к. 60 *žito т. 4 «Сельское хозяйство» в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров; и значение „хлебные культуры вообще, в зерне или на корню“ – в македонских. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении „рожь“ (в западнославянских, украинских, белорусских и в некоторых южнорусских диалектах), либо в значении „пшеница“ (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах).

Другой пример представлен на к. 7 *čaša т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи». Эта лексема, распространенная во всех славянских диалектах, известна в основном в значении „стакан“ (в хорватских, сербских, македонских, болгарских, чешских диалектах), однако только в русских диалектах (в вологодских и костромских говорах) она встречается в значении „миска“ // „большая миска, выточенная из дерева“, а в словенских приморских говорах – в значении „большой ковш“.

Общеславянская лексема *sěra к. 32 т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах имеет значение „молоко коровы сразу после отела скота, молозиво“, однако в русских диалектах (в севернорусских и среднерусских владимирско-поволжских и тверских говорах) она, кроме того, может иметь значение „смола (сок) хвойных деревьев“, в болгарских западных, северо-восточных и некоторых юго-восточных говорах – „нестиранная овечья шерсть с жировыми выделениями“, а в отдельных северо- и юго-восточных говорах – „вода после стирки овечьей шерсти“, в сербских, восточно-герцеговинских, косовско-ресавских и призренско-тимокских говорах – „жировые выделения на шерсти овцы“ и т. д.

Праславянская лексема *bljudo к. 56 *bl'udo т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи» во всех славянских диалектах известна в значении „большая глубокая тарелка“, однако только в лужицких диалектах она встречается в значении „стол“, в болгарских диалектах – в значении „поднос“, кроме того, в западноболгарских говорах – в значении „поминальный хлеб“; в севернорусских ладого-тихвинских говорах, а также в отдельных среднерусских (новгородских и тверских) и в западной группе южнорусских говоров – в значении „таз“.

Синхронно-типологический аспект Атласа проявляется и в том, что его материалы дают исследователю возможность «реально представить» общую картину **механизма эволюции славянских языков**. Сравнение материалов карт лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической серии Атласа свидетельствует о том, что в лексических и фонетических системах славянских языков процессы их дивергенции носили разный характер: если на фонетических картах можно довольно часто наблюдать четкое диалектное размежевание, своеобразные «разломы» на диалектном ландшафте *terra Slavia* (см., например, карты фонетических томов ОЛА, посвященных рефлексам носовых), то на лексических картах таких резких обрывов изоглосс не прослеживается, скорее здесь отражен процесс медленного разрушения праславянского единства, при котором следы прежней близости языков не только не утрачиваются, а, напротив, довольно долго сохраняются (хотя нередко и лишь в виде осколков). И эта разная картина эволюции славянских языков на фонетическом и лексическом уровнях порождена кумулятивным принципом развития лексического состава каждого языка, когда новое не устраняет старое, а прекрасно «сосуществует» с ним, усложняя эту систему во времени и в пространстве.

Именно поэтому на лексических картах Атласа особенно четко прослеживается принцип отражения диахронии в синхронии, так как лексика и особенно словообразование – это системы, постепенно развертывающиеся во времени. Несмотря на все изменения, пережитые языками в процессе развития, их словообразовательные системы (в силу своей консервативности), как правило, сохраняли модели, которые в большинстве своем обладали высокой степенью устойчивости. В связи с этим образование нового слова происходило по готовому образцу, унаследованному от предшествующей языковой эпохи и закрепившемуся в сознании носителей языка (ср., например, карты, посвященные названиям детенышей животных и птиц во втором томе «Животноводство», на которых представлены целые вереницы слов, образованных в разное время, но часто по одной и той же модели, а также сводную карту № 79 „названия молодых животных и птиц“, репрезентирующую территориальную дистрибуцию этих словообразовательных моделей). Обобщая информацию, содержащуюся на каждой отдельной карте, эта карта эксплицирует не только ареалы разных моделей, но и выявляет степень их продуктивности, так как чем активнее в прошлом была та или иная словообразовательная модель, тем шире ее ареал в настоящем, подтверждением чему служит ареал суф.=е, охватывающий практически все западно- и южнославянские диалекты, а также частично белорусские и украинские.

Ценность лексико-словообразовательных карт проявляется и в том, что они

позволяют внести коррективы в картину сходств и различий славянских языков, которая традиционно устанавливалась на базе данных исторической фонетики. Оперирование многочисленными лексическими изоглоссами, в количественном отношении во много раз превосходящими фонетические, дает исследователю возможность быть более объективным в восстановлении сложной картины схождения и расхождения родственных диалектов праславянского языка, нежели при использовании фонетических данных.

В этом отношении чрезвычайно ценной и полезной является начавшаяся с 10 тома публикация таблиц, сопровождающих каждую карту. В таблицах содержится информация о количественном составе картографируемых лексем в разных славянских диалектах, о единичных картографируемых и некартографируемых лексемах, а также их этимологии. С помощью этих таблиц читатель сможет составить более точное представление об ареальных связях славянских языков.

Одной из задач Атласа, как уже отмечалось выше, является изучение вопроса о контактах славянских языков с языками неславянских народов (с германцами, балтийцами, кельтами, фракийцами, иранцами, финно-уграми, тюрками, греками, романцами и т. д.). Иллюстрацией этих сложных исторических процессов является картина, отраженная на картах, представляющих распространение заимствований в славянских языках (см., например, **сводные карты заимствований** в шестом томе ОЛА «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», посвященные заимствованиям из тюркских языков, из романских и германских, из латинского и греческого, а также из албанского и венгерского). На картах Атласа отчетливо видно, что география этих заимствований, а также их объем разный: **наиболее распространенными** и частотными являются **заимствования из немецкого языка** (они покрывают практически всю территорию Славии за исключением болгарских и македонских диалектов), за ними следуют заимствования из **тюркских языков**, характерные в основном для восточно- и южнославянских диалектов, далее идут заимствования из **итальянского языка** (они распространены в основном в словенских диалектах в Италии и в хорватских на побережье Адриатического моря), из **греческого** (они локализируются в основном в южнославянском ареале, причем главным образом в болгарских и македонских диалектах), а также из **латинского** (они характерны преимущественно для западнославянских диалектов, и прежде всего польских, а также частично южнославянских – словенских и хорватских), из **венгерского** (они отмечены главным образом в словацких диалектах, а также в юго-западных украинских и частично на юго-востоке чешских), из **румынского языка** (в юго-вос-

точном ареале южнославянских языков, а также в юго-восточных словацких и украинских закарпатских говорах), наконец, самая немногочисленная группа заимствований из **албанского** языка (они свойственны в основном македонским диалектам). Интересно, что и в восьмом томе ОЛА «Профессии и общественная жизнь» **эта картина в принципе повторяется**, хотя число заимствований здесь значительно выше – 750 названий от 300 заимствованных корней (для сравнения в шестом томе всего 118 заимствований от 105 корней), однако и здесь **лидируют заимствования из немецкого языка**, за которыми следуют тюркские заимствования (подробнее см. *Siatkowski* 2003: 174–184).

При этом карты Атласа позволяют провести исследование и в обратном направлении и изучить заимствования славизмов пограничными неславянскими диалектами (например, румынскими или немецкими), поскольку они содержат информацию об ареальной характеристике отдельных лексем такой высокой точности и детализации, что **позволяют выявить зоны активных иррадиационных процессов** и не только провести каталогизацию таких славизмов, но и **установить их относительную хронологию** (так, например, карта „ящерица“ т. 1 «Животный мир» свидетельствует о том, что «ю.-рум. *gúšter, gúštãri* „ящерица“ является южнославянским заимствованием, причем достаточно старым, на что указывает, с одной стороны, наличие мегл. *gúšteri* ..., а с другой – представленность в ОЛА, в соседних с Румынией областях, более частотных несuffиксальных форм (*gušč-er-ъ* и под.), при «периферийном» (= южном) *gušč-er-ic-a*, редко (мак.), *gušč-er-ъk-a*, часты варианты» (подробнее см.: Бернштейн, Клепикова 1998: 52; *Siatkowski* 2004).

Карты «Общеславянского лингвистического атласа» дают основания для нового взгляда не только на многие сюжеты сравнительной грамматики славянских языков, но и лингвистической географии, в частности, на положение о центрально-периферийной противопоставленности ареалов инноваций и архаизмов.

Типология ареальных сценариев архаизмов и инноваций говорит о том, что противопоставление центрального и периферийного ареалов в современной Славии как зон инноваций и архаики в славянском диалектном континууме является упрощенной схемой их отношений, которые в действительности оказываются значительно сложнее.

Карты Атласа убедительно свидетельствуют о том, что ареалы инноваций мо-

гут локализоваться не только в центре диалектного континуума того или иного языка, но и на периферии (ср., например, распространение лексемы (*škola*)-*ar*-ъ к. 33 „мальчик, который учится в школе“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» в хорватских, восточнословацких, польских, словенских диалектах, в которых она локализуется именно на периферии; или распространение лексем (*papir*)-ъ к. 39 „бумага“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и (*atrament*)-ъ к. 37 „чернила“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» – в белорусских, в которых она также отмечена на периферии; на периферии словенских диалектов локализуется и лексема (*jarmark*)-ъ к. 48 „периодическая широкая торговля“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» и т. д.).

По-видимому, это связано с тем, что периферийная зона менее устойчива и более проницаема для внешних влияний. Более того, именно на периферии, где наблюдается меньшее давление со стороны системы и бóльшая свобода в междиалектных связях, благодаря контактной конвергенции складываются наиболее благоприятные условия для зарождения новых языковых явлений.

Что касается ареалов архаизмов, то на картах Атласа хорошо видно, что они также могут сохраняться не только на периферии, но и в центре. Кроме того, они могут иметь как островные, так и обширные ареалы. Примером островных ареалов может служить распространение таких праславянских лексем, как *sěj-a* к. 32 „молоко коровы сразу после отела, молозиво“ т. 6 «Домашнее хозяйство и приготовление пищи», ареал которой во всех славянских диалектах, за исключением польских, является островным; *znaj-e-tь* к. 73 „знает“ т. 9 «Человек» – в словенских и польских диалектах; *gob-a* к. 54 „съедобный гриб“ т. 3 «Растительный мир» – в словацких, польских, украинских и македонских диалектах; *čel-o* к. 5 „лоб человека“ т. 9 «Человек» и *grob-ъ* к. 45 „могила, яма, в которой хоронят покойника“ т. 10 «Народные обычаи» – в украинских диалектах; *květ-ъ* к. 14 „цветок“ т. 3 «Растительный мир» – в восточнославянских диалектах; *běd-a* к. 62 „бедность, нужда“ т. 8 «Профессии и общественная жизнь» – в украинских, хорватских и сербских диалектах; *ust-a* к. 16 „рот“ т. 9 «Человек» и *bor-ъ* к. 17 „сосна“ т. 3 «Растительный мир» – в словацких и чешских диалектах. Обширные ареалы праславянских лексем встречаются чаще всего на фонетических картах (ср., например, ареалы лексем *pol-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *o», *mor-j-e* к. 29 т. 5 «Рефлексы *o», *snop-ъ* к. 20 т. 5 «Рефлексы *o», *rog-ъ* к. 23 т. 5 «Рефлексы *o», *ros-a* к. 43 т. 5 «Рефлексы *o», *kor-a* к. 45 т. 5 «Рефлексы *o», *vod-a* к. 33 т. 5 «Рефлексы *o», *kon-j-ъ* к. 26 т. 5 «Рефлексы *o и др. в фонетическом томе «Рефлексы *o»; или распространение лексем *zem-j-a* к. 47 т. 6 «Рефлексы *e», *med-ъ* к. 12 т. 6 «Рефлексы *e», *ber-e-tь* к. 28 т. 6 «Рефлексы *e», (*j*)*ezer-o*

//*ozer-o* к. 5 т. 6 «Рефлексы *е», (*j*)*elen-ь//olen-ь* к. 6 т. 6 «Рефлексы *е», *per-o* к. 29 т. 6 «Рефлексы *е» и др. в томе «Рефлексы *е»; или *bez-a*, *vьrb-a* в 3 томе «Растительный мир»). Причем при их разрушении центр иногда оказывается даже более архаичным, чем периферия, где чаще всего происходит зарождение новых диалектизмов. Разрушенные ареалы праславянских лексем красноречиво свидетельствуют о том, что явление более древнее нередко занимает бóльшую площадь, чем явление более позднее, ибо оно начало распространяться значительно раньше, поэтому часто становится причиной возникновения нового явления. В этом смысле показательна сама типология процесса разрушения ареалов архаичных лексем, которые являются, как правило, производящими для новых. Таким образом, «историческая последовательность языковых событий записывается, так сказать, географией на данной территории, где запись эту остается только прочесть» (Теньер 1966: 114).

При сопоставлении ареалов архаизмов и инноваций бросается в глаза отсутствие у инноваций обширных ареалов. Объясняется это, по-видимому, тем, что при возникновении нового явления зона его распространения является довольно ограниченной, и только лишь со временем она может увеличиваться⁴.

В демифологизации нуждается и теория волн И. Шмидта, в основе которой лежит идея постепенных, незаметных переходов между не имеющими четких границ диалектами индоевропейских языков, поэтому каждый отдельно взятый и.-е. язык по отношению к другому можно рассматривать как переходный. Карты «Общеславянского лингвистического атласа» заставляют внести в эту теорию ряд поправок, поскольку они красноречиво свидетельствуют о существовании четких границ в распространении того или иного языкового явления. Яркой иллюстрацией существования подобных границ служат ареалы эксклюзивных лексем, которые иногда могут покрывать обширные пространства диалектов того или иного языка, но при этом не выходить за их пределы, т. е. идея «колышущейся нивы», лежащая в основе этой теории, здесь явно не работает.

Карты лексико-словообразовательной серии Атласа позволяют **выявить** и некоторые **тенденции**, которые прослеживаются на диалектном **ландшафте** Славии. Это прежде всего тенденция к сужению ареалов праславянских лексем за счет широкого распространения региональных диалектизмов. И это обстоя-

⁴ Ср. в связи с этим следующее замечание: «Теоретически допустимо, что в начале своего формирования диалектная зона имеет небольшую территориальную протяженность. По мере роста она как бы захватывает новые области, увеличивается и в период наибольшего расцвета достигает максимальной площади» [Джураев 1991: 118].

ятельство чрезвычайно повышает ценность лингвогеографического критерия при определении диалектов, отличающихся наибольшей концентрацией лексической архаики.

При этом степень сохранности праславянских диалектизмов во многом определяется их принадлежностью к той или иной семантической группе, поскольку она, как правило, выше в лексике, принадлежащей миру «дикой» природы, нежели в доместикатах, относящихся к миру «второй» природы, созданной самим человеком: именно в этой лексике чаще всего прослеживается яркое своеобразие в видении и назывании предметов и явлений, отсюда богатство как корневых морфем, так и цельнолексемных номинаций, имеющих эксклюзивный характер (см., например, карты, посвященные звукоподражательным глаголам в томе «Животноводство»: „блеет (овца)“, „лает“, „мяукает“, „поет (о петухе)“ и др., которые свидетельствуют о том, что каждый славянский народ слышит эти звуки по-своему).

Итак, компаративистика XXI в., критически осваивая опыт диахронической лингвистики XIX–XX вв., постепенно совершенствует различные методы исследования. Продолжая традиции науки о языке, уходящей своими корнями в глубокую древность, она ставит перед исследователями новые задачи, связанные с осмыслением полученных данных. Как показало время, современная компаративистика является матрицей будущего. Об этом свидетельствует четко прослеживаемая тенденция к расширению ее границ, осознание того факта, что для адекватного познания языка и, в частности, решения генетических проблем славянских языков необходимы выходы в другие области гуманитарного знания и, прежде всего, в лингвистическую географию.

Благодаря «Общеславянскому лингвистическому атласу» произошло укрупнение компаративистских исследований, расширилась сама их парадигма, так как предметом изучения стала не просто структура слова, его этимология, но и его ареал и время возникновения. Пространственный дискурс вместе с описанием структуры и функции языковых единиц в синхронии и диахронии создали своеобразное гносеологическое триединство компаративистики XXI в., исследующей язык в трех измерениях – структуры, пространства и времени. Поэтому для ее успешного развития следует начать «лингвистические раскопки», прочесть и интерпретировать данные «Общеславянского лингвистического атласа». Зафиксированную на картах жизнь языка «необходимо проследить во

всех ее предшествующих фазах, чтобы понять, как и на какой основе сложилось нынешнее положение вещей» (Йорган 1971: 229). Накопление изоглосс самого разного характера поможет со временем выработать надежные лингвистические критерии для хронологического расслоения языкового материала. А это в свою очередь даст возможность ответить на вопрос, что в диалектной системе современных славянских языков является продолжением праславянского наследия, а что сложилось позднее, в эпоху миграций, под влиянием факторов культурно-исторического характера.

Информация, содержащаяся на картах Атласа, явится, бесспорно, прочным фундаментом для новых сравнительно-исторических штудий, которые в будущем будут иметь своим итогом полноценную реконструкцию той языковой модели, с преобразованием которой связано существование семьи славянских языков.

ЛБИТЕРАТУРА

- БЕРНШТЕЙН, С. Б. 1962. *Очерк сравнительной грамматики славянских языков*. Москва. [Bernštejn, S. B. 1962. *Očerk sravnitel'noj grammatiki slavjanskih jazykov*. Moskva.]
- БЕРНШТЕЙН, С. Б.; КЛЕПИКОВА, Г. П. 1998. «Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных славянской лингвистической географии». *XII Международнй съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации*. Москва: 47–68. [Bernštejn, S. B.; Klepikova, G. P. 1998. “Slavjanorumynskie jazykovye kontakty v svete novyh dannyh slavjanskoj lingvističeskoj geografii”. *XII Meždunarodnyj s'ezd slavistov. Slavjanskoe jazykoznanie. Doklady rossijskoj delegacii*. Moskva: 47–68.]
- ВЕНДИНА, Т. И.; КАЛНЫНЬ, Л. Э. 1988. «Отношение рефлексации *ѣ к ударению». *Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая*. Вып. I. Рефлексы *ѣ. Белград. [Vendina, T. I.; Kalnyn' L. E. 1988. “Otnošenje refleksacii *ѣ k udareniju”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas, serija fonemiko-grammatičeskaja*. Vyp. I. Refleksy *ѣ. Beograd.]
- ВЕНДИНА, Т. И. 1997. «Общеславянский лингвистический атлас и сравнительно-историческое языкознание». *Славянский альманах*. Москва. [Vendina, T. I. 1997. “Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas i sravnitel'no-istoričeskoe jazykoznanie”. *Slavjanskij al'manah*. Moskva.]

- Вендина, Т. И. 1998. «Общеславянский лингвистический атлас и лингвистическая география». *XII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации*. Москва: 130–147. [Vendina, T. I. 1998. “Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas i lingvističeskaja geografija”. *XII Meždunarodnyj s’ezd slavistov. Slavjanskoe jazykoznanie. Doklady rossijskoj delegacii*. Moskva: 130–147.]
- Вендина, Т. И. 2000. “Мотивационный признак в лингвогеографическом пространстве Общеславянского лингвистического атласа”. *Јужнословенски филолог* 56, 1–2: 193–209. [Vendina, T. I. 2000. “Motivacionnyj priznak v lingvogeografičeskom prostranstve Obščeslavjanskogo lingvističeskogo atlasa”. *Južnoslovenski filolog* 56, 1–2: 193–209.]
- Вендина, Т. И. 2003. «Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа». *XIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады российской делегации*. Москва: 63–83 [Vendina, T. I. 2003. “Leksika i semantika na kartah Obščeslavjanskogo lingvističeskogo atlasa”. *XIII Meždunarodnyj s’ezd slavistov. Slavjanskoe jazykoznanie. Doklady rossijskoj delegacii*. Moskva: 63–83.]
- Вендина, Т. И. 2008. “Влияние консонантного окружения на рефлексацию гласного *о”. *Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 5. Рефлексы *о*. Москва. [Vendina, T. I. 2008. “Vlijanie konsonantnogo okruženija na refleksaciju glasnogo *o”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Serija fonemiko-grammatičeskaja. Vyp. 5. Refleksy *o*. Moskva.]
- Гак, В. Г. 1996. “Сноха (по материалам *Atlas Linguarum Europae*)”. *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993*. Москва. [Gak, V. G. 1996. “Snoha (po materialam *Atlas Linguarum Europae*)”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija 1991–1993*. Moskva.]
- Гура, А. В. 1997. *Символика животных в славянской народной традиции*. Москва. [Gura, A. V. 1997. *Simbolika životnyh v slavjanskoj narodnoj tradicii*. Moskva.]
- Джураев, А. Б. 1991. *Теоретические основы ареального исследования узбекоязычного массива*. Ташкент. [Džuraev, A. B. 1991. *Teoretičeskie osnovy areal'nogo issledovanija uzbekojazyčnogo massiva*. Taškent.]
- Донадзе, Н. З. 2004. «Новые перспективы в лингвогеографии — Лингвистический атлас Европы». *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2001–2002*. Москва. [Donadze, N. Z. 2004. “Novye perspektivy

- v lingvogeografii – Lingvističeskij atlas Evropy”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija 2001–2002*. Moskva.]
- ИВАНОВ, В. В. 1996. “Общеславянский лингвистический атлас (1978–1993). Итоги и перспективы». *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993*. Москва. [Ivanov, V. V. 1996. “Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas (1978–1993). Itogi i perspektivy”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija 1991–1993*. Moskva.]
- Ивич, П.; Логар, Т. 1990. «Влияние вокального количества на рефлексы *ѣ». *Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая*. Вып. 2а. Рефлексы *ѣ. Москва. [Ivić, P.; Logar, T. 1990. “Vlijanje vokal'nogo količestva na refleksy *ѣ”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas, serija fonemiko-grammatičeskaja*. Vyp. 2a. Refleksy *ѣ. Moskva.]
- ЙОРДАН, Й. 1971. *Романское языкознание*. Москва. [Jordan, I. 1971. *Romanskoje jazykoznanie*. Moskva.]
- КАЛНЫНЬ, Л. Э. 1996. «Рефлексація *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования по материалам ОЛА». *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1991–1993*. Москва. [Kalnyn', L. E. 1996. “Refleksacija *ъ, *ь pered slogom s glasnym polnoga obrazovanija po materialam OLA”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas. Materialy i issledovanija 1991–1993*. Moskva.]
- КУРКИНА, Л. В. 1985. «Праславянские диалектные истоки южнославянской языковой группы». *Вопросы языкознания* 4: 61–71. [Kurkina, L. V. 1985. “Praslavjanskije dialektnye istoki južnoslavjanskoj jazykovoje gruppy”. *Voprosy jazykoznanija* 4: 61–71.]
- КУРКИНА, Л. В. 2012. «К проблеме интерпретации лексических изоглосс». *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana: 135–150. [Kurkina, L. V. 2012. “K probleme interpretaciji leksičeskikh izogloss”. *Praslovanska dialektizacija v luči etimoloških raziskav*. Ljubljana: 135–150.]
- МЕЙЕ, А. 1951. *Общеславянский язык*. Москва. [Meje, A. 1951. *Obščeslavjanskij jazyk*. Moskva.]
- ПЛОТНИКОВА, А. А. 2013. *Южные славяне в балканском и общеславянском контексте. Этнолингвистические очерки*. Москва. [Plotnikova, A. A. 2013. *Južnye slavjane v balkanskom i obščeslavjanskom kontekste. Etnolingvističeskije očerki*. Moskva.]
- ПОЖАРИЦКАЯ, С. К.; ПОПОВА, Т. В. 1990. «Влияние консонантного окружения на рефлексы *ѣ». *Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая*. Вып. 2а. Рефлексы *ѣ. Москва. [Požaričkaja, S. K.; Popova,

- Т. V. 1990. “Vlijanje konsonantnogo okruženija na refleksy *ε”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas, serija fonemiko-grammatičeskaja*. Vyp. 2a. Refleksy *ε. Moskva.]
- СД = *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: В 5 т. Под ред. Н. И. Толстого. Москва: 1995–2012. [SD = *Slavjanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'*: V 5 t. Pod red. N. I. Tolstogo. Moskva, 1995–2012.]
- ТЕНЬЕР, Л. 1966. «По вопросу о диалектологическом атласе русского языка». *Вопросы языкознания* 5: 110–120. [Tēsnière, L. 1966. “Po voprosy i dialektologičeskom atlase russkogo jazyka”. *Voprosy jazykoznanija* 5: 110–120.]
- ТОПОРОВ, В. Н. 1999. «Об одной мифоритуальной ‘коровье-бычьей’ конструкции у восточных славян в сравнительно-историческом и типологическом контекстах». *Славянские этюды. Сборник к юбилею С. М. Толстой*. Москва: 491–532. [Toporov, V. N. 1999. “Ob odnoj miforitual’noj ‘korov’e-byč’ej’ konstrukcii u vostočnyh slavjan v sravnitel’no-istoričeskom i tipologičeskom kontekstah”. *Slavjanskije etudy. Sbornik k jubileju S. M. Tolstoj*. Moskva: 491–532.]
- ФАСМЕР, М. 1964–1973. *Этимологический словарь русского языка*. Т. I–IV. Москва. [Fasmer, M. 1964–1973. *Etimologičeskij slovar’ russkogo jazyka*. Т. I–IV. Moskva.]
- ФИРЕК В. 2003. «Лингвистический атлас Европы и его вклад в европейскую историю культуры». *Вопросы языкознания* 5: 30–39. [Firek, V. 2003. “Lingvističeskij atlas Evropy i ego vklad v evropejskuju istoriju kul’tury”. *Voprosy jazykoznanija* 5: 30–39.]
- ALINEI, M. 1997. “Magico-religious Motivations in European Dialects: A Contribution to Archaeolinguistics”. *Dialectologia et Geolinguistica* 5: 3–30.
- IVIĆ, P. 1983. “Faktori koji utiču na razvoj vokala u slovenskim jezicima”. *Južnoslovenski filolog* 38: 1–18.
- IVIĆ, P.; LOGAR, T. 1990. «Влияние вокального количества на рефлексy *q». *Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая*. Вып. 2б. Рефлексy *q. Warszawa. [Ivić, P.; Logar, T. 1990. “Vlijanje vokal’nogo količestva na refleksy *q”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas, serija fonemiko-grammatičeskaja*. Vyp. 2b. Refleksy *q. Warszawa.]
- SIATKOWSKI, J. 2003. «Займствованія». *Общеславянский лингвистический атлас*. Т. 8. Профессии и общественная жизнь. Warszawa. [Siatkowski, J. 2003. «Zaimstvovanija». *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas*. Т. 8. Professii i obščestvennaja žizn’. Warszawa.]
- SIATKOWSKI, J. 2004. *Studia nad wpływami obcymi w ogólnosłowiańskim atlasie językowym*. Warszawa.

ТОПОЛИЊСКА, З.; ВИДОЕСКИ, Б. 1990. «Сохранившаяся назальная артикуляция *q и *q:». *Общеславянский лингвистический атлас, серия фонетико-грамматическая*. Вып. 2б. Рефлексы *q. Warszawa. [Topolińska, Z.; Vidoeski, B. 1990. “Sohranivšasja nazal'naja artikuljacija *q i *q:”. *Obščeslavjanskij lingvističeskij atlas, serija fonemiko-grammatičeskaja*. Vyp. 2b. Refleksy *q. Warszawa.]

“OPĆESLAVENSKI LINGVISTIČKI ATLAS” I KOMPARATIVNA LINGVISTIKA 21. ST.
(POVODOM 60. GODIŠNJICE PROJEKTA 1958. – 2018.)

TATIANA I. VENDINA

SAŽETAK

Članak se bavi poviješću nastanka *Općeslavenskog lingvističkog atlasa*. Uz vrednovanje preliminarnih zaključaka iz tog međunarodnog projekta autorica raspravlja o tome kako karte Atlasa korigiraju postavke u poredbenoj i povijesnoj lingvistici kao i u lingvističkoj geografiji.

KLJUČNE RIJEČI:

poredbena i povijesna lingvistika, općeslavenski lingvistički atlas, dijalektologija, lingvistička geografija

.....

*THE SLAVIC LINGUISTIC ATLAS AND COMPARATIVE
LINGUISTICS IN THE 21ST CENTURY
(TO THE 60TH ANNIVERSARY OF THE PROJECT)*

TATIANA I. VENDINA

SUMMARY

The article deals with the history of The Slavic Linguistic Atlas (OLA). Assessing the preliminary results of the OLA project, the author focuses on the new facts in linguistic geography theory which the Atlas gives to comparative historical linguistics.

KEYWORDS:

Slavic Linguistic Atlas, dialectology, linguistic geography

